
Հարյուր ու մեկ
հայրեն
ՆԱՀԱՊԵՏ ՔՈՒՉԱԿ
Сто и один
айрен
НААПЕТ КУЧАК

Ар 1
Н 12

К $\frac{70403\ (1040)}{701\ (01)75}$ 215—75 „М"

Предисловие, составление, подстрочные переводы
ЛЕВОНА МКРТЧЯНА

Редакторы
АРШАК МАДОЯН
ИРИНА КАРУМЯН

Художник МИГРАН СОСОЯН

О СЕБЕ, О ЛЮБИМОЙ ЖЕНЩИНЕ—ОБО ВСЕХ

Айрены Наапета Кучака были популярны в средневековой Армении[1]. Айрены пелись:

Знаю, тебе известно много айренов,
Выбери один и спой его.
Спой о наших днях, о людях,
Которые живут сейчас[2].

С тех пор, как были созданы айрены, прошло не одно столетие. Но песни о тех далеких временах и людях тех времен созвучны нам и нашим сердцам. В мире очень многое изменилось. Изменился

---

[1] Айрен — стихотворение, состоящее, как правило, из четырех пятнадцатисложных стихов. Стих делится на два полустишия из семи и восьми слогов (с ударением в первом полустихе на 2, 5 и 7 слогах, во втором полустихе на 3, 5 и 8 слогах). В одних изданиях айрены печатаются как четверостишия — каждый стих с двумя полустишиями занимает одну длинную строку, в других как восьмистишия — каждое полустишие с новой строки. (В большинстве древних рукописей айрены не разделены на строчки). Соответственно и на русский язык айрены переводятся либо как четверостишия, либо как восьмистишия.

[2] Айрены цитируются в подстрочных переводах.

человек. Но, изменившись, человек и мир не стали другими. Мы видели как человек ходил по луне. От этого, однако, ничуть не убудет «поэзии луны». По-прежнему «льются в тихий грустный свет луны мечтанья птиц среди ветвей» (Поль Верлен). Кроме того, в современном мире и для современного человека вечные темы искусства (любовь с ее великой радостью и великой болью, тупое, убивающее непонимание, зависть и низость) приобрели еще большую остроту. И сама сложность и богатство натуры современного читателя предопределяют его особую восприимчивость к литературе, его, если хотите, ранимость.

Сегодня нам особенно близки великие старые мастера. Нам близка великая лирика Наапета Кучака. Он писал о себе, о любимой женщине — обо всех.

▲

О жизни Наапета Кучака нет сколько-нибудь подробных и достоверных сведений. Долгое время считалось, что автор айренов Наапет Кучак — это тот самый Кучак, который жил в XVI веке в селе Хараконис близ Вана. Эта версия получила распространение главным образом потому, что большинство айренов дошло до нас в рукописях XVI века (встречаются, однако, айрены и в более ранних рукописях). Но уже в брюсовской антологии «Поэзия Армении» (1916) было сказано, что автор айренов — это другой Наапет Кучак, не тот, который жил в Хараконисе. «Теперь установлено,— писал Валерий Брюсов,— что подлинный Кучак не имеет ничего общего, кроме имени, с тем поэтом Кучаком, который жил в начале XVI века в области Вана; Наапет Кучак, по-видимому, был родом из окрестностей Акина (Эгины), так как стихи его по языку, по складу, по отдельным выражениям близко напоминают местные народные песни»[1].

Позже, в 1927—28 гг., Манук Абегян опубликовал свое исследование «Древние гусанские народные песни», в котором доказывал, что айрены созданы гусанами, т. е. народными певцами, и не в XVI веке, а раньше[1]. И такие современные ученые, как, например, Л. Хачикян и А. Мнацаканян, считают, что правильнее датировать айрены XIII—XIV вв. В своих работах они показывают, как легко объяснить айрены и идеи, выраженные в них, именно этими веками и как трудно без натяжек отнести их к эпохе более поздней[2]. И все-таки айрены, за редким исключением, продолжают издаваться на армянском, русском и иностранных языках как стихотворения хараконисского Наапета Кучака. Дело здесь не только в силе традиции или косности. При всей близости айренов к фольклору, трудно их отнести к народным песням, растворить в общем потоке устного творчества. Стилистическое, идейно-тематическое изучение айренов показывает, что именно один поэт довел эту древнюю стихотворную форму, встречавшуюся еще в X веке у Нарекаци, до совершенства. Необходимость сохранить айренам автора так велика, что хронологические неувязки и просчеты не принимаются зачастую в расчет.

Айрены несут на себе печать авторской индивидуальности, и поэтому имя, однажды названное, приросло к ним. О Кучаке как о великом лирике писали крупнейшие армянские поэты — Ованес Туманян, Аветик Исаакян, Егише Чаренц. Они неизменно подчеркивали, что айрены — произведение индивидуального творчества:

Нарекаци или Кучак, без вас умов державных нет!
Пройди весь мир — в нем белых гор, красой Масису равных нет!

---

[1] «Поэзия Армении», М., 1916, с. 55.

[1] Манук Абегян. Труды, том второй, Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1967, с. 9—280 (на арм. языке).

[2] А. Мнацаканян. Об айренах и Наапете Кучаке.— «Историко-филологический журнал», 1958, № 2, с. 234—257 (на арм. языке); Л. Хачикян. Устав «Братства» города Ерзнка (1280 г.) — «Вестник Матенадарана», Ереван, 1962, № 6, с. 365—371 (на арм. языке).

— писал Егише Чаренц в знаменитом стихотворении «Язык Армении моей...».

Автор айренов нам неизвестен, мы не знаем его биографии, но мы знаем его стихи (осталось то, что написано, осталось самое главное) и мы можем сказать, что такой поэт был. (Мало ли средневековых поэтов, имена и биографии которых неизвестны!). Принято считать, что этим поэтом был Наапет Кучак. Пусть это не тот хараконисский Кучак, который жил в XVI веке, но Наапет Кучак, но ИМЯ — то, что указывает на автора.

По айренам мы можем лишь догадываться о том, кем был Кучак и как сложилась его жизнь. «Я могу представить себе его ученым, склонившимся над древними книгами и рукописями, видящим, как возвышались и рушились царства, а народы оставались созидателями, и человеческая мысль сияла, как звезды над пашней, — пишет Кайсын Кулиев.— Я могу представить себе Кучака каменотесом-философом, понимавшим язык камня, который он тесал, полюбившим его неподатливость и вечность. Могу представить себе его и монахом, который на старости лет за монастырскими стенами коротал вечера и проводил бессонные ночи, думая о горькой судьбе своего народа, слагая стихи, полные боли и веры в бессмертие своего народа. А когда он выходил на рассвете из своей кельи во двор, радовался, видя синее небо над храмом и видя горы, белым чудом высящиеся над родной страной. По преданию, он был садовником. Могло быть и так. Но главное, он был поэтом»[1].

И конечно же, было бы неправильно слишком увлекаться спорами, ведущимися вокруг личности Кучака, увлекаться и забывать о самом главном — о стихах, об айренах.

---

[1] Кайсын Кулиев. Наапет Кучак — великий лирик. В сб.: Наапет Кучак. Лирика, Изд-во «Художественная литература». М., 1972, с. 14—15.

▲

В айренах Кучака выразилась главная черта эпохи Возрождения — чувство полноты жизни, полноты ощущения красоты мира.

Большинство дошедших до нас айренов Кучака — это стихи о любви, свободной от канонов домостроевщины, любви, знающей одну только власть — власть сердца. «В огне надо сжечь любовь, которая покупается за деньги»,— сказано в одном айрене. «Кто обвинит влюбленного, тот достоин ненависти»,— говорится в другом. «Бессмысленны игры с любовью, которая навязана силой»,—утешает себя герой, возлюбленная которого ушла от него... Любовь не терпит насилия. Армянский ученый и католикос Саак Партев еще в пятом веке предписывал священникам: «А вы, священники, вовсе не благословляйте брака малолетних впредь до совершеннолетия, а совершеннолетних, которые по своей воле друг с другом не виделись, также не смейте венчать без расследования и расспросов их самих; быть может, по принуждению родителей, помимо воли своей, они дали согласие, и не смейте благословлять такие свадьбы, ибо по сей день от таких беспорядков — одни лишь беды, духовные и телесные»[1].

Из слов Партева, делающих честь этому выдающемуся деятелю раннего средневековья, некоторые ученые пришли к выводу (вполне логичному) о том, что в Армении V века не редки были случаи, когда выдавали замуж несовершеннолетних, когда заключались браки не по любви, а по воле родителей. Но куда важнее (и логичнее!) подчеркнуть другое, то, что в те отдаленные времена такие браки запрещались. Ведь и во времена Кучака далеко не всеми понималась любовь так, как ее понимал поэт. Было и мещанское окружение, были слухи и слушки, злые сплетни, была клевета и ложь. Герой одного из айренов пришел в дом к любимой и слы-

---

[1] «Армянская книга канонов». Издал В. Акопян. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1964, с. 382 (на арм. языке).

шит, как столб ехидно подмигивает бревну: «Это пришел влюбленный», слышит и недоумевает: «Дерево в лесу росло, где оно научилось доносить!» В другом айрене поется о влюбленных, сбежавших от злых людей,— они свободны от осуждающих взглядов и людской молвы, они свободны любить.

▲

Айрены Кучака можно назвать диалогом двух влюбленных. По верному замечанию Нафи Джусойты, к этому диалогу «все время молчаливо прислушивается некто третий, какой-то сумрачный соглядатай. Кучак даже в своей неистовой устремленности к возлюбленной не забывает о нем, спорит с ним, проклинает его, то вышучивает, то издевается над ним, то горько, по-мужски рыдает в сознании неодолимости этой силы»[1]. Этот третий, проклятый всеми влюбленными, вечен в своей неблаговидной роли спутника влюбленных. Философски его существование даже, может быть, оправдано, но человечески роль его непонятна.

Поэзия Кучака знаменует собою торжество высоких принципов любви по своей воле, по законам сердца. Священники — и те (о них пишет Кучак с улыбкой, с иронией) не могут устоять перед «чарами любви».

Светский, внерелигиозный характер многих айренов был подготовлен, очевидно, и отголосками движения тондракийцев. Тондракийцы, как известно, проповедовали равенство, отказ от церкви. Идеолог тондракийцев Смбат Зарехаванци учил, что жизнь человеку дана только в этом мире, что другой жизни не будет, ибо душа человека не бессмертна. А раз это так — надо любить в этой жизни, надо познать радости любви.

В одном из айренов герой укоряет несговорчивую красавицу: «Умрешь, уйдешь в тот мир, что станешь делать со своей белой

[1] Н. Джусойты. Свет через века.—«Дружба народов», 1969, № 2, с. 272.

грудью! Она достанется червям. Почему же ты лишаешь меня своих чар!» Любовь, не знающая ханжеских запретов,— основной мотив айренов. «Кучак — нескрываемо чувственен,— пишет Ст. Рассадин. — Он часто нескромен и даже игрив в своей чувственности. Он просто снедаем ею: стоит ему увидеть на веревке сохнущее белье, а среди белья — женскую сорочку, как он уже мечтает о ее владелице. Нет такого сладостного сравнения, которое не нашел бы Кучак для женской груди (кажется, предмета его особого вожделения). Вот и тут мертвецов пробуждает не образ любви «вообще», не символ некоей «вечной женственности»— но блеск грудей, образ плоти»[1]. В айренах Кучака любовь к женщине чиста именно своей прямотой, своей высказанностью, я бы сказал, обнаженностью чувств. Однако необузданность чувств не переходит в распущенность, а сила — в грубость. Есть в айренах целомудренная сдержанность. В них много нежности, много добродушно-лукавого, народного юмора. Зачастую даже самые откровенные признания смягчаются вдруг улыбкой.

Айрены любви лишены однообразия. Они богаты интонационно, богаты по содержанию, оттенками мыслей и чувств. А это, по замечанию великого кашмирца IX века Анандавардханы,—условие самобытности и новизны поэта — «дорога поэзии, казалось бы уже измеренная тысячами, — нет! бесчисленным множеством — поэтов, топтавших ее на все лады, вновь оказывается не имеющей конца»[2].

Айрены — это песни страстных, неожиданных, причудливых признаний в любви. Это стихи о великой красоте женщины и великой

[1] Ст. Рассадин. Неистовый Кучак.— «Литературная Армения», 1973, № 3, с. 79.

[2] Анандавардхана. Дхваньялока. Изд-во «Наука», М., 1974, стр. 192.

красоте мира. И мир не просто красив. Мир прекрасен, потому что прекрасна женщина. Природа открывается человеку, она ему видна, когда он любит. По-настоящему зрячие люди — люди влюбленные:

Взгляните на мою любимую,
все, что она надела,— все зеленое,
Надела цветастое платье —
пуговицы и петли зеленые.
Я вошел с нею в сад —
ручеек течет, берега зеленые.
Взгляните на деревья —
деревья цветут, листья зеленые.

Кучак писал проникновенные пейзажи, он очень живописен. Природа живет в его стихах, как она живет на полотнах мастеров Возрождения. Природа в айренах не фон. Точно так в «Спящей Венере» Джорджоне природа и женщина слиты воедино — всё природа.

Любовь — это сама жизнь, торжество и смысл жизни. И песни Кучака о любви — песни жизни. Счастлив, тысячу раз счастлив тот, кто любит:

Завидуйте мне сегодня больше,
Чем в любой другой день.
Любимый пришел ко мне в гости —
Завидуйте мне, сильнее завидуйте...

Поистине самозабвенно, свободной и смелой рукой художника написаны стихи о мгновении прекрасном, остановленном:

Белогрудая в широком платье,
я коснулся твоих грудей,
Твоих незрелых рук, обнял тебя
— и пораженный остановился.

Воздел я руки и взмолился:
«Боже, пошли мне сейчас смерть,

Сделай так, чтобы я умер, стал жертвой
на груди этой красавицы».

Изумительны печальные, по-осеннему грустные стихи о человеке, которому суждено жить без любимой женщины: «Пока ты моей была, все зеленело, на всем была роса. Когда ты ушла от меня, пошел снег, все покрылось инеем». А сколько горя, сколько недоумения в стихах о любви, которую не признали люди: «Ну и что же, что мы полюбили, чего от нас хотят эти люди! Там, где меня увидят, пальцем показывают: «Смотрите, мол, это он». Как будто мы человека убили, и говорят мне: «Иди — тебя ждет наказание».

▲

Любовь, воспевание радостей любви и вина в айренах не есть доказательство того, что Кучак услаждал стихами сильных мира, как полагали некоторые исследователи его поэзии. В средние века чувство любви было своеобразным культом, распространенным среди трудового народа, особенно среди ремесленников. «Что же мне сказать в порицание женщин!— говорил армянский историк XI века Аристакэс Ластивертци, описывая один из городов средневековой Армении.— Достаточно реченного Исаией, и нет нужды в наших словах. Ибо так он обличал иерусалимских женщин за их бесстыдное увлечение украшениями, «за то, что дочери Сиона надменны и ходят, подняв шею»[1]. Многие айрены рисуют нам жизнь городскую, грешную с точки зрения общепринятых норм средневековой морали. (Что касается Ластивертци, то он порицал женщин, полагая, что и они виновны в бедах и несчастьях, ниспосланных на Армению). Город способствовал разрушению старых нравственных правил, очень прочных и долговечных.

[1] «Повествование Аристакэса Ластивертци». Изд-во «Наука», М., 1968, с. 92.

И не только в богатых домах, но и там, где не знали достатка, воспевали вино, красоту женщины и красоту ее нарядов.

Культ любви не был, конечно, проявлением беззаботно-веселой жизни. И сама любовь во многих айренах Кучака — источник боли и страданий, так как безответная любовь не столько кристаллизирует чувства, сколько мучит.

Любовь, как смерть, говорится в одном айрене. Часто сравнивается любовь с огнем, сжигающим сердце и душу.

Спокойная медлительность созерцания жизни, присущая некоторым средневековым поэтам, не характерна для айренов. Им свойственны настроения беспокойства.

Большой цикл составляют айрены о пандухтах-скитальцах. Стихи Кучака о скитальцах, ушедших или угнанных в чужие края, полны горем одиночества, мучительным одиночеством жен и матерей. С глубокой, щемящей болью, с горячим, участливым пониманием писал Кучак о горькой жизни скитальцев.

▲

Часто Кучак пользовался народной речью, мотивами и образами народной поэзии.

В Армении был обычай дарить в знак любви яблоко. Этот обычай отразился в айренах, в эпосе «Давид Сасунский», в песнях. В одной народной песне яблоня говорит: «Я — знак любви, символ сердца, ни роза, ни лилия не могут со мной сравниться, я несравненна...» Яблоко — олицетворение взаимности чувств, целомудрия и чистоты...

Яблоко — образ еще более традиционный, чем, скажем, роза. Согласно библейскому преданию, бог запретил Адаму и Еве есть плоды с древа познания и зла. И хотя в Библии самый плод не назван, издревле считается, что это было яблоко. Но именно роза становится излюбленным образом средневековой поэзии Востока, излюбленным, а затем (в стихах подражателей и эпигонов) и обветшалым. «Роза — обуза восточных поэтов...»

Яблоко в целом ряде айренов Кучака — то же, что роза в традиционной поэзии. («Твоя грудь, словно лавка в Египте, Яблоки твоих грудей — как бархат из Езда...»; «Мое красное яблоко, пора тебя сорвать...»; «Болен я из-за любви к тебе, возьми яблоки, приди ко мне...»; «Весь год, все двенадцать месяцев портилось яблоко, я обошел все села, все города, никто не знал, как исцелить яблоко...»; «Ты — яблоко на ветке, я — зеленый лист на ней. Боюсь, придет осень, тебя сорвут...»]. Есть айрены, в которых соседствуют два эти образа — яблока и розы: «Красная роза ты с зеленой веткой, зеленая ветка ты с красным яблоком...». Есть, наконец, айрены, целиком построенные на традиционном образе розы:

Я рано проснулся, чтобы пойти
поздороваться с любимой.
Моя хорошая вышла навстречу —
лицо у нее, как роза в листьях.

Роза тоже бывает прекрасна,
когда утром ее коснется солнце.
Она снимает свое зеленое одеяние
и надевает красное.

Надо ли говорить, что эти стихи прекрасны!! Они не слащавы и не приторны. Кучаковская роза не из тех «восточных» роз, о которых метко сказал Арсений Тарковский:

Розы сахаринной породы,
Соловьиная пахлава.
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

Прост язык айренов. Кучак счастливо избежал изобилия образов, щедро рассыпанных в стихах многих средневековых поэтов XIII—XVII вв. Айрены просты и совершенны, как древние храмы Армении, и столь же лаконичны.

Кучак дорожил словом, как хлебом.

ЛЕВОН МКРТЧЯН

Երնեկ ես անո՛ր կու տամ, 1
որ առեր իւր եարն է փախեր,
Ոնց որ ըզկամուրջն անցեր,
ջուրն ելեր, զկամուրջն է տարեր.
Ձընիկ-եղեմնիկ եկեր,
զոտվընուն հետքն է կորուսեր.
Առեր, ի պաղշան մըտեր,
ցորեկով զդընչիկն է պագեր:

Благословен ушедший с милой 1
за дальний перевал.
Мост перешли они,
и тотчас тот мост разрушил шквал;
Засыпало следы их снегом,
буран забушевал...
Он взял ее лицо в ладони
и — днем — поцеловал.

Քանի դու ինձի էիր, 2

նայ կանանչ ու ցօղն ի վըրայ.
Երբ դու որ յիխանէն ելար,
ձիւն երեկ՝ եղեմն ի վըրայ.
Թէ այլւ'ի ի յի՛ս դառնաս
ու կենաս խելացդ ի վըրայ.
Երթամ, բարկ արե՛ւ լինամ,
գամ, կանգնիմ կամարիդ վըրայ:
Լոյս ծագեմ ի քո վըրայ,
որ սաստի՛կ ձիւնըն վերանայ:

Когда ты была моей, 2

на деревьях листва была!
К другим ты теперь ушла,—
снег лежит, где листва была!
Вернись, образумься, друг;
будь снова здесь, как была,—
Я солнцем встану сам:
будет свет, где тень была!

Ու՞ր էիր, ուսկի՞ց եկար, 3
քան զամէն ծաղիկ դու պայծառ.
Եկիր ւ՚ի հոգիս մըտար,
չես ի տար պահիկ մի դադար.
Սըրտիս մէջն ի ժուռ եկար,
ւ՚ելնելու ճարա՛կ չի գըտար.
Ջարկիր ի գըլխուս վերայ,
ւ՚աչերուս ի վար թափեցար:

Где была ты, откуда пришла! 3
Если ты не посланница зла —
Отпусти меня, сделай милость!
Ты сожгла мое сердце дотла,
Ты в душе моей поселилась
И дороги назад не нашла,
Ты в сознаньи моем заблудилась,
Ты моими слезами текла.

4

Այս աստընվորիս վերայ
      երկու բան ողորմ ու լալի.
Մէկ՝ որ սիրոյ տէ՛ր լինի,
      Մէկ՝ որ գա՛յ Գըրողն ու տանի:
Մեռածըն գէմ չէ՛ լալի,
      որ ունի զիւր խոցն ալանի.
Եկէ՛ք, զողորմուկս տեսէք,
      ոչ մեռած է, ոչ կենդանի:

4

В мире две великих силы:
      смерть и скорбь любви земной.
Влюбишься, потом уносит
      ангел смерти в мир иной,
Ну, а мертвые не плачут,
      скрытые сырой землей.
Кто же этот несчастливец!
      Он ни мертвый, ни живой.

Աչերդ է ծովէն առած, 5
եւ ուներդ է ի թուխ ամպէն.
Այդ քո պատկերքդ և սուրաթըդ
ի վարդին կարմիր տերեւէն.
Ուր որ դու կանգնած լինիս,
չէ պատեհ վառեն մոմեղէն.
Ծոցուդ լոյսըն դուրս ծագէ,
գէմ ելնէ մեռելն ի հողէն:

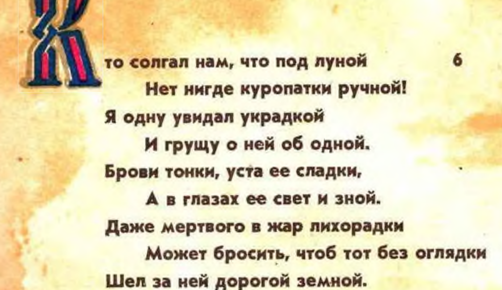
Глаза твои — океан, 5
брови сумрачней облаков.
Взяла ты румянец щек
у розовых лепестков.
Куда б ни явилась ты —
там свеч не надобно жечь.
Сияньем твоих грудей
воскрешаешь ты мертвецов.

6

Սո՛ւտ է, որ կ'ասեն, եղբա՛րք,
թ'ընտանի կաքաւ չի լինի.
Մէկիկ մ'ես երէկ տեսայ,—
ւ'երնեկ է զիր տէրն որ ունի.
Որ օնքն էր ղալմով քաշած,
ւ'իր բերանըն շաքրով ի լի.
Ջմեռելն այլ ի գիրկն առնու,
ի ծոցուն հանէ կենդանի:

6

Кто солгал нам, что под луной
Нет нигде куропатки ручной!
Я одну увидал украдкой
И грущу о ней об одной.
Брови тонки, уста ее сладки,
А в глазах ее свет и зной.
Даже мертвого в жар лихорадки
Может бросить, чтоб тот без оглядки
Шел за ней дорогой земной.

Լուսի՛ն, պարծենաս, ասես. 7

«Լուս կու տամ ես աստընվորիս»:

Ահա՛ հողեղէն լուսին

ի գըրկիս ՚ւ երեսն երեսիս,

Թէ չես ատալ այս գերուս,

յե՛տ տանեմ ըզփէշ կապայիս,

Վախեմ՝ սիրոյ տէր լինիս,

լուս պակա՛ս տաս աստընվորիս:

Ты хвалишься, луна небес, 7

что озарен весь мир тобой.

Но вот луна земная — здесь,

в моих объятьях и со мной!

Не веришь! я могу поднять

покров над дивной красотой,

Но страшно: влюбишься и ты

и целый мир накажешь тьмой!

Ի՞նչ անեմ, կամ ի՞նչ լինամ, 8
յո՛ւր տեսնում աղուոր, նայ սիրեմ,
Թէ զյաւիտենից պատճառն
եմ ուսել, ես երթամ, ասեմ.
Զաղէկն այլ ի գիրկս առնեմ,
ւ՛աստուծոյ երթամ, ցըցընեմ.
— Զաղէկըն դո՛ւ ստեղծեցիր,
ինձ յէ՞ր մեղք դընես, թէ սիրեմ։

Как мне быть, когда мила мне 8
каждая красавица!
Если это неизбежно,
как с собою справиться!
Я решил однажды к богу
с девушкой отправиться:
Мол, твое люблю созданье,
что ж тебе не нравится!

Լուսինն ի սարէն փըրթաւ, 9
ի՛նքն ու իւր աստղըն ի հիտրաց.
Ջաղուորն ի գիրկըս առի,
պագ առի երկուքս ի հիտրաց.
Ըստեղծողն իր բերնովն ասաց.
«Մի՛ թողուր զատ եարդ ի ձեռաց.
Հընցկուն պէլըման աղուոր
չե՛մ ստեղծեր երկուքն ի հիտրաց»:

Вышла из-за гор луна 9
с голубой звездою вместе,
Обнял я мою любовь —
грусть ушла с бедою вместе.
Бог сказал:
«Люби ее, говорю тебе по чести!
Я не создавал ведь двух —
равных красотою — вместе».

Հընցեղ եմ ի քո սիրուդ, 10
որ տըղեկըն ծիծ չէ կերել.
Մարիկըն վաղուց մեռել,
ու տըղեկն որբուկ մընացել:
Ջուր տուր իմ ծարաւ լերդիս,
քո սիրուդ ի տապն եմ ընկել.
Խօսէ՛, որ առնում իխրար,
ես յետի նէֆէսս եմ եկել:

Я в любви, как ребенок малый, 10
Силой отнятый от груди.
Погляди, что со мною сталось,
Погоди уходить, пощади!
Ничего у меня не осталось,
Только тьма и тьма впереди.
Пожалей хоть самую малость:
Дай воды, мой жар остуди!

Ես ան հաւերուն էի, 11
որ գետինըն կուտ չուտէի.
Թըռչ'ի երկընօքն երթ'ի,
թէ սիրոյ ականատ չընկնէի.
Ականատն ի ծովուն միջին՝
էր լարած 'ւ ես չգիտէի.
Ամէն հաւ ոտօքն ընկնէր,
ես ոտօքս ու թեւս աւելի:

Ручною птицей на земле 11
я подбирать зерно не мог,
Под облаками я летал,
чтоб не настиг жестокий рок,
Но всюду — западня любви,
и я себя не уберег:
Не только ноги, как другим,—
опутал крылья мне силок.

Ա՛յ, գընա՛, չի պիտիս դուն ինձ, 12
լուկ պեզա՛ր իմ սիրտս ի քենէ.
Ջերայ խոցեցիր դուն զիս,
լուկ վերցաւ սիրտըս ի քենէ.
Թէ գան ու զքեզ ջուր ասեն,
կամ ջըրին ճարակն ի քենէ՛,—
Տարեկ մի ծառուած կենամ,
չի խըմե՛մ կաթիկ մ'ի քենէ:

Не нужна ты мне, не нужна, 12
Мне с тобой ни покоя, ни сна,
Обожгла ты меня стрелою
И осталась сама холодна.
Скажут мне: ты стала водою —
Пить не буду, рук не омою;
Скажут мне: ты стала лозою —
Не коснусь твоего вина.

Երբ որ ես պըզտիկ էի, 13
կանչէին ինձ ոսկի տըղայ.
Մեծցա, սիրու տէր եղայ,
երեսիս գոյնըն կու գընայ.
— Մանկտի՛ք, ձեր արեւն ասեմ,
որ սիրուն՝ քարըն չի դիմնայ.
Սիրուն՝ քար ւ՚երկաթ պիտի,
պողպատէ դըռնակն ի վերայ։

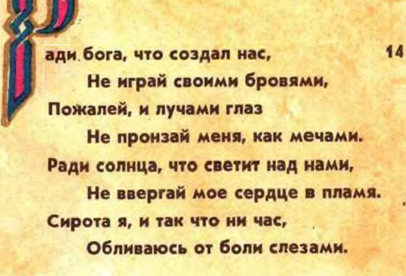

Твердили мне: «Красавец наш»,— 13
когда я рос в семье родной,
Но побледнел я и поблек
от встреч с гордячкою одной.
Любовь и камень раздробит,
Проверено всё это мной,
Отгородитесь от нее
стеной железной иль стальной.

Այդ քո ստեղծողիդ համար, 14
երբ քայլես, զուլֆերդ մի՛ շարժեր.
Այդ քո աչերուդ խընձերն՝
շատ մարդու արիւն է խըմեր.
Խօշ եա՛ր, արեւուդ համար,
որբուկ եմ, զիս մի՛ լացըներ.
Տըղայ եմ, չեմ ի կենար,
զիս ի քո կրակըդ մի՛ ձըգեր:

Ради бога, что создал нас, 14
Не играй своими бровями,
Пожалей, и лучами глаз
Не пронзай меня, как мечами.
Ради солнца, что светит над нами,
Не ввергай мое сердце в пламя.
Сирота я, и так что ни час,
Обливаюсь от боли слезами.

Ես աչք ու դու լոյս, հոգի, 15
առանց լո՛յս՝ աչքըն խաւարի.
Ես ձուկ ու դու ջուր, հոգի,
առանց ջո՛ւր՝ ձուկըն մեռանի.
Երբ զձուկն ի ջըրէն հանեն
ւ'ի այլ ջուր ձըգեն, նայ ապրի,
Երբ զիս ի քենէ զատեն,
քան զմեռնելն այլ ճար չի լինի:

— глаз, ты — свет. 15
Без света глазу лишь темнота видна,
Я — рыба, ты — вода,
а рыба жить лишь в воде должна.
Но рыбу брось в другую воду,
и оживет она,
Я ж без тебя — мертвец,
а помощь умершим не нужна.

Հանցգուն եմ ի քո սիրուդ, 16
զինչ ամպերըն կ'առնեն շառափ.
Ջայդ երկիրն ամէն գիտէ,
սիրոյ տէր եմ հետ քեզ խարապ.
Այս իմ նենգաւոր աչերս
չի կենար մէկ պահ մի պարապ.
Կուլայ, զօրն ըզքե՛զ կ'ուզէ,
չի՛ առներ այլ մարդու տօլապ:

Видишь, как покраснела я, 16
Точно облачко в вышине.
Все на свете знают о том,
Как ты близок и дорог мне.
Виноваты мои глаза:
По тебе они слезы льют,
На других не глядят — тебя
Вовлекают в грех и зовуъ

Աչօզա՛լ, մի՛ հագնիր կապուտ, 17
մի՛ խաղար ու տար թեւերուդ.
Մի՛ գար ու՚ի դըռնովն անցնիր,
մի՛ ճօճար, կօզա՛լ, արեւո՛ւդ.
Քո հարն ալ շատ վարձկ արեր,
շատ կարմունճ կապեր գետերուն.
Դուն ալ մէկ վարձկունք մ՚արա,
պագ մը տուր դըռնչիդ մօտերուն:

О, красавица, жить мне дай, 17
Синей кофты не надевай
Чтоб не стал я белее мела,
Поглядев на тебя невзначай.
Твой отец много доброго сделал —
Мост возвел, возродил наш край.
Сделай тоже доброе дело —
Страшной пыткой меня не пытай.

արմի՛ր ու ճերմակ երես, 18

ա՛մ քանի՞ դու զիս պիտ էրես.

Քանի որ մէջլիս նըստիս,

ունէրովդ հետ ինձ զըրուցես.

Կոճկեկդ այլ արձակ այնես,

ու ճերմա՛կ ծոցըդ ցըցընես.

Կու վախեմ՝ թողուս, ելլես,

ու ծոցէդ մահրում մընամ ես:

Что ты белые щеки румянишь, 18

Что ты жжешь меня, что ты манишь!

Что ты речь бровями ведешь,

То нечаянно в душу заглянешь,

То намеренно взгляд отведешь,

То вдруг пуговицу расстегнешь,

Белой кожей блеснешь и ранишь!

Знаю: ты всё равно обманешь —

Навсегда от меня уйдешь.

Ի՞նչ անեմ, կամ ի՞նչ լինիմ, 19
տէր չունիմ, որ գայ զիս ձենէ.
Ո՛չ ունիմ համբերութիւն,
որ լըռեմ սահաթ մի քենէ.
Հանցեղ եմ ի քո սիրուդ,
զինչ ամառ ծաղիկն ի ջըրէ.
Խեղճըն ի յերկինք ի վեր
պաղատէր թէ կաթ մի կաթէր։

Как мне быть — не могу я боле 19
жить одна, от тебя отдалясь.
Поболтать бы с кем-нибудь вволю
О тебе, ничего не страшась.
От любви своей и от боли
Я совсем уже извелась.
Как травинка я в выжженном поле,
Смотрит в небо она и молит,
Чтоб хоть капля дождя пролилась.

Իմ սիրտս ի քո վառ սիրուդ՝ 20
զէտ աշնան դազէլ կու դողայ.
Արտասունք ի յերեսս ի վէր՝
զէտ գարնան անձրեւ կու ցօղայ.
Հոգիս ի յիսնէ ելաւ,
մէկ մի քո ծոցոյդ ճար արա.
Ծոցիկս է ծոցիդ սովոր,
այլ ընդ ո՞ր երթայ, մէկ ասա՛:

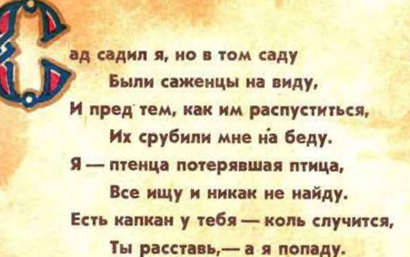
От любви пробежит по мне, 20
Как по листьям осенним, дрожь.
И покатятся по щекам
Слезы, словно весенний дождь.
Видишь: гибну. Пусти к себе.
Дай приют для моей души.
Тело к телу льнет твоему.
Как мне жить без тебя, скажи!

21

Պաղչայ մի տընկեր եմ ես,
    թ՚ի՛նչ աղէկ մորճեր կայ ի ներս.
Սընուցի ւ՚ի հասք բերի,
    խըլեցին զայն, ու կուլամ ես.
Ձէտ մանկակորուստ կաքաւ՝
    ի լեռներն ի շուրջ կուգամ ես.
Լըսեր եմ՝ ակնա՛տ ունիս,
    բեր լարէ՛, գամ ընկնիմ ի ներս:

21

Сад садил я, но в том саду
Были саженцы на виду,
И пред тем, как им распуститься,
Их срубили мне на беду.
Я — птенца потерявшая птица,
Все ищу и никак не найду.
Есть капкан у тебя — коль случится,
Ты расставь,— а я попаду.

22

Երթա՛մ, չի կենա՛մ ի հոս.
ուր երթամ, հոն ա՛լ չի կենամ.
Երթամ քանց Հոռոմն ի վար,
վըտարի՛մ, այլ իսկի չի գամ.
Թէ գան զիմ տեղըն ասեն,
Նայ, հեռու եմ, ա՛յլ հեռանամ.
Թէ գան ու զքո տեղն ասեն,
Նայ, զինճիլն եմ, կըտրեմ ու գամ:

22

е останусь здесь, прощай.
Уезжаю, не вернусь.
Византия далеко,
Но и там не задержусь.
А придут тебе сказать,
Где я,— буду вновь в пути.
В цепи закуют — порву
Цепи, чтоб тебя найти.

Ն՛ւ, ե՛կ դու ի քո տանէն, 23
զինչ ելնէ արեւն ի մօրէն.
Ծագէ լոյս ի քո ծոցէդ,
զինչ գարնան կայծակն ի յամպէն.
Շատ երէց ու աբեղայ
իջուցեր քո սէրն ի բեմէն.
Զիս այլ սիրու տէր արիր,
ու հանիր իմ հօրն ի տանէն:

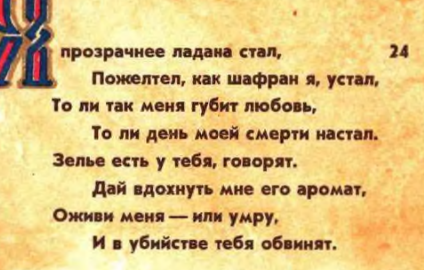

Из дома выйди своего, 23
Как солнце из-за туч.
Сияй для взора моего,
Как саблевидный луч.
Святых отцов и то с пути
Глаза б твои свели.
Из дома отчего уйти
Готов, пропасть вдали.

Դեղնել եմ խընկիդ նըման, 24
գունատել եմ զէտ ըզզաֆրան.
Չի գիտեմ՝ քո սէ՞րդ արել.
թէ՞ եկել է օրս ի մահուան:
Ասցին, թէ դու դեղ ունիս,
տուր ինձի, որ կենդանանամ.
Թէ չէ՝ կու մեռնիմ, գընամ,
գան ասեն քեզ մարդասպան:

Я прозрачнее ладана стал, 24
Пожелтел, как шафран я, устал,
То ли так меня губит любовь,
То ли день моей смерти настал.
Зелье есть у тебя, говорят.
Дай вдохнуть мне его аромат,
Оживи меня — или умру,
И в убийстве тебя обвинят.

Գիտես, որ դուն պարծեցար, 25
թէ՝ «Ճերմա՛կ ծոցըս քեզ ծառայ»,
Յետև փոշիման եղար.
խըրատն ո՞վ երետ՝ մէկ ասա:
Ինձ խիփն ու ղուսայ կու գայ՝
քո ծոցուդ ա՛յլ մարդ տիրանայ,
Պագնէ զիմ պագած տեղիքն,
լուկ դընէ զերեսն ի վերայ:

В чем могла ты меня упрекнуть! 25
Ты шептала: «Пусть эта грудь
Будет вечной твоею рабою!»
Кто сказал тебе: «Все забудь»!
Что случилось теперь с тобою!
Кто сумел тебя обмануть!
Кто к груди, целованной мною,
Отыскал сокровенный путь!

Ցուխ աչք եւ ունքեր ունիս, 26
        լայն ճակատ ու կարմիր երես.
Այդ ճերմակդ որ դուն ունիս,
        ըզշամամ ծըծերդ որ ի ներս,
Մեռնիս, այլ անդին երթաս,
        զայդ ճերմակ ծոցիկդ ի՞նչ առնես,
Ջամէնըն որդե՛րն ուտեն,—
        դու է՞ր զիս մահրում կու պահես:

Чернобровa ты, тонкостанна, 26
        Лоб высокий, лицо румяно.
Белизну ты внутри несешь,
        Грудь твоя словно два шамама,—
Что ж припасть мне к ней не даешь!
        Ведь и ты уйдешь в край туманный,
В край, куда красоты не возьмешь.
        Почему ж при жизни так странно
Ты со мною себя ведешь!

27

Ելայ, ես ի քեզ եկի,
    քեզ յիսնէ կարօտ գիտէի.
Գալըս քեզ դիժար թըվաց,—
    Ես ի յիմ միտքս անդիճեցի։
Մի՛ լար, մի՛ տըրտում կենար.
    մի՛ հաշվիլ զօրըս քեզ տարի.
Ան ոտքն որ ի հոս իբեր,
    Նա կարէ, որ ա՛յլվայ տանի։

27

Я думал, ты грустишь по мне,
    Я навестил тебя, и вот
Сдается мне, что здесь меня
    Никто не помнит и не ждет.
Ну что ж, не хмурься, не сердись!
    Не нужно день считать за год.
Пришел я, и опять уйду,
    Когда не в пору мой приход.

Քանի՛ ու քանի՛ անեմ. 28
«Ջիմ եարին կապան կարեցէք.
Արեւն իւր երե՛սք արէք,
զլուսընկան աստառ ձեւեցէք.
Թուխ ամպն այլ բամպակ արէք
ւ՚ի ծամէն դերձան քաշեցէք.
Աստղերն այլ կոճակ արէք,
զիս ի ներս ողկիկ շարեցէք»:

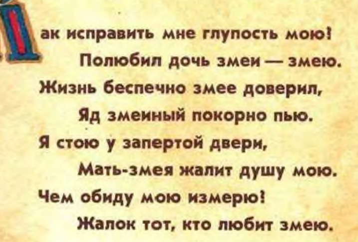

Говорил я сто раз подряд: 28
«Сшейте милой моей наряд.
Верх из солнышка ей скроите,
Лунный свет пойдет на подклад.
Облака на подбивку возьмите,
Звезды яркие прикрепите
Вместо пуговиц — пусть горят.
Петли жилами обмечите,
Из меня все жилы тяните —
Этой муке я буду рад!»

Ճանիկ մի ղալատ արի, 29
որ զօձո՛ւն ձագըն սիրեցի.
Խիստ վըստահութիւն արի,
որ օձուն դո՛ւռըն գընացի.
Զագուն մայրն ի դուրս երեկ,
զիս խայթեց, և նըստայ լացի:
Արժա՛ն եմ ես այս լացիս,—
ո՞վ եղեր օձուն սիրելի:

Как исправить мне глупость мою! 29
Полюбил дочь змеи — змею.
Жизнь беспечно змее доверил,
Яд змеиный покорно пью.
Я стою у запертой двери,
Мать-змея жалит душу мою.
Чем обиду мою измерю!
Жалок тот, кто любит змею.

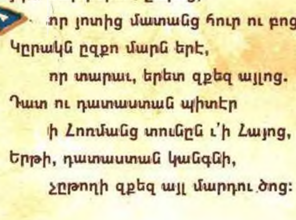
Զաշխարհս ես ի ժուռ եկի, 30
ա՛յ հոգեկ, որ այլ չի մընաց.
Ասցի, թէ գըտնում հանց եար,
ա՛յ հոգեկ, որ այլ չէ սիրած:
Եկի հանց եարի մ’առի,
որ սիրած է’ւ այլւ’ի թողած.
Զի՞նչ շահ է իմ շատ դատիլս,
երբ այլոց ի ծոց ես պառկած:

Я по белому свету ходил 30
И мечтал, что раньше иль позже
Стану я красавице мил —
Той, кого никто не пленил.
Зря я мучился свыше сил:
Ты лежала на чьем-то ложе,
Кто-то бросил тебя; и что же,
Я нашел тебя, полюбил.

Այ իմ մարգարտէ շարոց, 31
որ յոտից մատանց հուր ու բոց.
Կըրակն ըզքո մարն երէ,
որ տարաւ, երետ զքեզ այլոց.
Դատ ու դատաստան պիտէր
ի Հոռմանց տունըն ւ'ի Հայոց,
Երթի, դատաստան կանգնի,
Չըթողի զքեզ այլ մարդու ծոց:

Ты — жемчужина, ты — светла, 31
Сколько горя ты мне принесла!
Что с тобою — не знаю — будет:
Мать родная тебя продала.
Пусть в армянском краю осудят
Ту, что в муках тебя родила.
В землях греков пусть знают люди,
Как ничтожна она и зла.

վ որ ճերմակ ծոց ունի, 32
թող կապոյտ շապիկ հագընի.
Կոճակն այլ արձակ թողու,
ով տեսնու՝ սըրտիկն առունի.
Երթամ աղաւչեմ զաստուած,
լեղակին հունտըն հատանի.
Ո՛չ նա այլ կապոյտ հագնի,
ո՛չ մանկան սիրտըն առունի:

елогрудой красоте 32
платье синее идет,
Пуговицы расстегнет —
юношу с ума сведет.
Пусть красильщик ни один
синей краски не найдет,
Чтоб ей в синем не ходить,
не сводить с ума народ.

Աhալօքս ի վար կուգ'ի, 33

Նայ տեսայ մոմեր դատըլած.

Ի յան մոմերուն տակըն

սիրոյ տէր մանուկ մ'էր պառկած:

Մոմն ալ գէմ հայրէն ասաց`

ողորմած, ու սրտէն իլաց.

«Սէրըն` կըտրիճըն ունէր,

կըրակն ի՛մ գըլուխն է վառած»:

Идя близ церкви, видел я 33

у гроба ряд зажженных свеч:

То юношу во гроб любовь

заставила до срока лечь.

Шептали свечи, воск струя,

и грустную я слышал речь:

«*Он* от любви страдал, а *нам* —

должно то пламя сердце жечь!»

Հաւսար ի ծօշք են առել, 34
լ'ի ոտանց կամին զիս ուտել.
Ալ ղալատ բան չեմ արել,
իմ սըրտովս ի եար եմ սիրել.
Թէ շատ, թէ ի քիչ ջանամ,
զինչ հախն իմ ճակատս է գըրել.
Ջայս մէկս ալ կամիմ սիրել,
թէ հաւսար ի ծօշք են առել:

Боже, что от меня хотят! 34
Что чернят с головы до пят!
Я люблю тебя, дорогого,
Что ж кольнуть меня все норовят.
Если так,— буду я другого,
Всех я буду любить подряд.
И тогда пусть снова и снова
Говорят, говорят, говорят!

Արե՛կ, որ տամ քեզ խըրատ, 35
լօք առնում խըրատ ի քենէ.
Թող թէ սիրու տէր եղաք,
ի՞նչ կ'ուզեն այս խալխս ի մենէ.
Յորտեղ որ կանգնած տեսնուն,
մատնացուց կ'անեն թէ՝ նա է.
Ասես թէ մարդ ենք սպանել,
կասեն թէ՝ արե՛կ վըճարէ:

Как нам быть — все про нас говорят. 35
Разве грех, если мы полюбили!
Что ж наш рай превращают в ад!
Где появимся я ли, ты ли —
Вслед глядят, источают яд.
В чем грешны мы, что́ преступили!
Полюбили мы — не убили,
Так чего же от нас хотят!

Ճէմ առաւօտուն լուսուն 36
ես ի ձեր երդիքըն եկել.
Գըլխակս ալ ի վար դըրել,
լօք մըրափըն զիս է տարել.
Սունըն ալ ի գերանըն ասել.
«Սիրոյ տէրն երդիքն է եկել»:
Քանի մարըն զիս բերել,
ես փատէ խամազ չէյ տեսել.
Փատն ալ ի մերին բուսել,
խամզութիւն ու՞ստից է ուսել:

Мне пред тем, как совсем рассвело, 36
У тебя задремать случилось.
Шум на кровлю к нам донесло,
Там стропило под кровлей бранилось:
«Наша скромница осрамилась!» —
Тут же с глаз моих сон смело.
Неужели и в дереве зло,
Как в людских сердцах, затаилось!
Это дерево в роще росло,—
Где злословию научилось!

37

Սըրտիկս է մալով եղեր,
	զիր ամէն մրուքեր կու ծախէ.
Խօշ եար, ա՜մ, յառաջ կացիր,
	կամ գընէ՛, կամ մասլահաթէ.
Ըզգին ալ ալո՛վ կըտորէ,
	որ ամէն ոչինչ չի գընէ.
Հարցի՛ր, թանկ ՚ւ աժա՛ն արա,
	ամէն ապլեհ չի գայ, գընէ:

37

Этот мир похож на базар.
	Я единственный свой товар —
Сердце вынесла на продажу.
	Милый мой, прояви свой дар.
Сбей с других покупателей жар,
	Предложи все, что есть, что нажил,
Если тот его купит, кто стар —
	Будет купля подобна краже.

Տեսայ իմ հոգուս հոգին, 38

որ կ'երթար հետ մէկի մըն ալ.

Ձեռկուռնքն ի վերան ձգել

ու գանգատ կ'անէր մեկի մ'ալ.

Սըրտիկս ալ ի յիս ասաց,

թէ՝ «Անոր թարկըն պիտի տալ.

Ան սէրն որ ճորով լինի,

հետ անոր խաղալն է մահալ»:

Шла она с другим, 38

болтая по привычке к многословью,

Жалуясь ему на что-то,

поводя сердито бровью.

«Бог с ней, — сердце подсказало,—

отойди не прекословя,

Ведь любовь по принужденью

не считается любовью».

Մահալովդ ի վար կուգ՚ի, 39
ճուկ ու մուկ հազար սոխախով.
Լուկ եարաս ալ ի դէմ ելաւ,
ու բարեւ երետ շօհրաթով.
Բռնեցի ու պինդ պագի
զիր երեսըն խիստ կարօտով.
Կ՚երթար ու կ՚ասէր լալով,
թէ՝ «Ի՞նչ խաղք եղանք ցորեկով»:

Шел по улице неторопливо, 39
А настречу мне милая шла,
Опустивши глаза стыдливо.
Подбежал я — была ни была, —
Обнял милую нетерпеливо.
Зашептала она боязливо:
«На виду, среди бела дня
Для чего позоришь меня!»

Խոշ եա՛ր, դու հերի՛ք արա. 40
քու սիրուդ հոգիս կու քակի.
Արեկ յայլ աշխարհ երթանք,—
այս աշխարհ մեզի չըպիտի.
Երթանք, յայն աշխարհ կենանք,
որ անվախ կենանք ալանի.
Քանի՞ տեղս ահով կենանք
ու դողանք, թէ ի՛նչ կու լինի:

Боль и радость в сердце моем, 40
Я люблю тебя, дорогую.
Нет нам счастья, давай уйдем
Поскорее в страну другую.
Будем жить мы с тобой вдвоем,
Позабудем тревогу слепую.
Всё оставим: и отчий дом,
И врагов, и молву людскую.

Դաւի՛թ մարգարէ, իմ յո՛յս, 41
շատ մեղկունք ունիմ, թէ թողո՛ւս,
Եարուկ մի սիրեր եմ ես՝
պարապար հետ երկու լուսոյս,
Հընցկուն աղտրիկ եարուկ
թէ ի խուցըդ գայ, նա՛յ թողուս.
Ցորեկըն սաղմոս ասես,
լօք գիշերն ի ծոցիկդ առնուս:

Пророк Давид, тебя молю 41
Грехи мне отпустить.
Ту девушку, что я люблю,
Нельзя не полюбить.
Когда бы в келью среди тьмы
Вошла, как луч сквозь щель,
И ты б не стал читать псалмы,
А лег бы с ней в постель.

42

Գիշերս ես ի դուրս ելայ,
քիչ մի լուրջ ու քիչ մի գինով.
Իմ եարըն ինձ դէմ դիպաւ՝
ծոցն ի լի կարմիր խընձորով.
Ձեռըս տարայ, ձա՛յն տըւի.
Նա կանչեց. «Տարա՛ւ ճըղներով»:
— Մանկտի՛ք, ձեր արեւն ասեմ,
կամ չառի ես իրմէն ճորով:

42

Вышел ночью навеселе,
Встретил милую у дверей.
Показалось, что грудь ее
Слаще яблочек и круглей.
Лишь дотронулся до груди,
Слышу: «С ветками всё унес!»
Но клянусь, я не силой брал,
Ни обид не хотел, ни слез.

43

Երէկ ցորեկով բարով
տանէին մէկ եար մի ճորով.
Ըգնա ճորով է տարած,
կամ խաբած է զինք դըրամով։
Սէրըն որ դրամով լինի,
զինք էրել պիտի կըրակով.
Սէրըն խընձորով պիտի,
ու դրամ-դրամ շէքերով։

43

Вчера по улице вели
красавицу куда-то
Не то насильно увели,
не то прельстили платой.
На что мне жизнь,
когда любовь меняется на злато!!
Любовь берите как цветок,
как спелый плод граната.

Նմ եա՛ր, քեզ վատ չեմ ասեր, 44
դու հիմի է՞ր ես խըռովեր.
Ղալմա՛զ կայ ի մեր մէջըս,
քեզ ղալատ է հասկացուցեր.
Ղամազն է ի օձ նըման,
որ զԱդամ է ղալտեցուցեր,
Խաբեր, դըրախտէն հաներ,
ի լուսո՛ւն է մերկացուցեր:

Никогда я тебе, дорогая, 44
Не желал и не делал зла.
Может быть, чья-нибудь—чья не знаю—
Злая ложь твой покой отняла.
Так Адама под кущами рая
Сладкой ложью змея оплела,
И беду на него навлекла,
И ушел он из божьего края.

Առաղվենէն ի դուրս ելայ, 45
արեգակն աչացս ի դիմաց.
Ասւորն ալ ի դէմս ելաւ,
զէտ հազար լուսին բոլորած.
Ասի, թէ՝ «Սիրե՛մ ըզքեզ»:
Լուք պըռկունքն ալ ի դէմս իխած.
— Սիրես նայ, սիրէ՛ դու մէն,
մի՛ աներ այլ մարդու իմաց:

Утром, выйдя за порог, 45
Я тобою ослеплен,
Ты подобна сотне лун,
Вышедших на небосклон.
Слышу я в ответ упрек:
«Любишь — и люби один,
А другому, видит бог,
Знать об этом нет причин».

Տեսայ իմ հոգուս հոգին 46
զարդարած ու քաղՆէլուայ.
Ես ալ ի դէմինկն ելայ,—
նեղ սոխա՛խ ու խիստ ղալապայ.
Պէչան ալ ի վեր տարաւ,
ունէրովն արաւ, թէ՝ «Գընա՛:
Գընա ու գիշե՛րն արի,
որ ամէն դժարս դուրանայ.
Քեզի գիրկ ու ծոց անեմ,
պագ հազար, մինչ որ լուսանայ:

Шла любимая из бани, 46
раскрасневшись от тепла.
На нее глядели люди,
позабыв свои дела.
Чуть откинув покрывало,
черной бровью повела:
Мол, иди, дружок, спокойно,
а ночная ляжет мгла —
Приходи,— скупой на ласки
никогда я не была.

Աղուռ՛ր, քեզ բան մի կ՚ասեմ, 47
հորդ ահուն չեմ իշխեր ասել.
Անոր համար չեմ ասեր,
դուք հարուստ եք, ու մեք տառպել,
— Ասա՛, կըտրի՛ճ, մի՛ վախեր.
շատ հարուստ է տառպելացել.
Անչափ հարըստի դըստրիկ
տառպելին ծոցիկն է օթեր:

Мы, любимая, не равны: 47
Вы богаты, а мы бедны!
— Милый, в бедности нет вины,
А расстаться мы не вольны,
Мы хотели, да не сумели.
И богачки, когда влюблены,
Спят у бедных парней в постели
И счастливые видят сны.

Զայդ պագդ որ ի քո բերնէն 48
դու տըւիր քո սըրտի կամով,
Հանցեղ անուշիկ պըտուղ՝
ո՛չ ցամաք երկիր կէր ՚ւ ո՛չ ծով.
Նըման էր ի այն պըտղոյն
որ Ադամ կերաւ խաբանօք,
Կերաւ՝ ի դրախտէն ելաւ,
ես՝ ի քո ծոցոյն կարօտով:

Как сладок этот поцелуй, 48
Дарованный моим устам!
Он слаще всех земных плодов.
Весь мир я за него отдам.
Адам сорвал запретный плод.
Из рая изгнан был Адам.
Мой рай — в объятиях твоих,
И не бывать мне больше там.

Գիշերս ես ի քուն էի 49
յիմ հալալ տեղացն ի վերայ.
Լուսին ալ կամար կապեր
յիմ ճոհար անձկանն ի վերայ.
Իմ եարն յերազիս եկաւ,
ի սիրուն զէտ հարբած եղայ.
Յանկարծ ի քընուս ելայ,—
լուսինկա՛յ, ու խիստ կու ցոլայ:

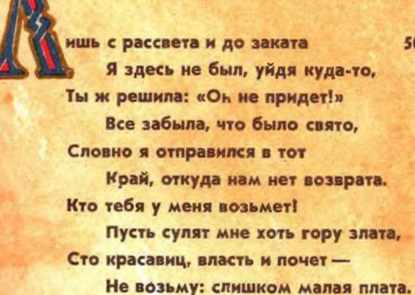

В эту ночь я блюла закон; 49
Я спала на холодном ложе,
И луна, озарив небосклон,
Одиноко дремала тоже.
И приснился мне сладкий сон:
Тот явился, кто всех дороже.
Я проснулась, исчез и он.
Сны, как жизнь, мгновенны, о боже!

Ժամիկ մ'աշերուդ ի զատ 50
երբ կացի, նայ զիս մոռացար.
Ասիր դուն ի քո մըտիդ
թէ՝ գընա՛ց, այլ իսկի չի գար:
Գէմ անդէնըն չի գնացի,
որ չլինայ ինձ դառնալու ճար.
Հազար եար փոխան կու տան,
չե՛մ առնուր ու զքեզ չեմ ի տար:

Лишь с рассвета и до заката 50
Я здесь не был, уйдя куда-то,
Ты ж решила: «Он не придет!»
Все забыла, что было свято,
Словно я отправился в тот
Край, откуда нам нет возврата.
Кто тебя у меня возьмет!
Пусть сулят мне хоть гору злата,
Сто красавиц, власть и почет —
Не возьму: слишком малая плата.

Նամ եա՛ր, դու յերդիկն ի քուն, 51
ծոցըդ լո՛յս կու տա աստղերուն.
Կամ ա՛ռ զիս ի ծոցդ ի քուն,
կամ տէսթո՛ւր տուր երթամ ի տուն.
— Ո՛չ կ՚առնում ի ծոցս ի քուն,
ո՛չ տէսթուր տամ՝ երթաս ի տուն.
Հանցեղ երերուն պահեմ,
մինչ որ գայ լոյսն առաւօտուն:

На кровле ты легла уснуть, 51
твоя созвездьям светит грудь,
Позволь же мне к тебе прильнуть,
иль укажи домой мне путь!
— Тебе нельзя со мной уснуть,
нельзя и дома отдохнуть,
Но так дрожи и жди, пока —
захочет утра свет блеснуть!

Ձեր տունն ի բանէ եկի, 52
զքեզ տեսայ, բանըս մոռացայ.
Ոտկունքս ոչ ի յետ կերթայ,
ո՛չ յառաջ, սերկերտան եղայ.
Ես քեզի հազա՛ր ծառայ,
ի՞նչ արիր, որ հընցկուն եղայ.
Շատոց սիրոյ տէր էի,
ի՛նչ դիժար եղաւ այս տարպայ:

Пришел по делу, вышла ты, 52
и я забыл о деле,
И шагу не могу ступить,
и руки онемели.
Ну что ты делаешь с людьми,
чтоб двинуться не смели!
Любил не раз я —
в первый раз не достигаю цели.

Գիշե՛ր, դուն յերկան կեցիր, 53
տարեկ մի եղիր, թէ կարես,—
Իմ եարն ինձի հիւր եկեր,
զետ հազար տարու, թէ գիտես.
Առաւօ՛տ, դու յետ կեցիր,
որ ըզմեր խաղըն չափրես.
Գաս, ըզլոյսն ի վրայ բերես
ու զիս իմ եարէս բաժանես:

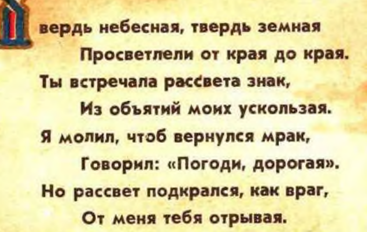

О ночь, продлись! останься, мгла! 53
стань годом, если можешь, ты!
Ведь милая ко мне пришла!
стань веком, если можешь, ты!
Помедли, утра грозный час!
ведь игры двух тревожишь ты.
Где радость! в скорбь ты клонишь нас!
ты сладость гонишь темноты!

Ահա՛ նշանեցաւ երկինք 54
ու գետինք՝ վանց լուսանալու.
Իմ եարն ի ծոցուս ելաւ,
լօք եդիր երես գընալու.
Ձեռկունքս ալ առաջ տարայ՝
բըռնելու, վանց արգելելու.
Ջերդումն ալ ի բերանն էառ.
«Գընալու եմ, չեմ կենալու»:

Твердь небесная, твердь земная 54
Просветлели от края до края.
Ты встречала рассвета знак,
Из объятий моих ускользая.
Я молил, чтоб вернулся мрак,
Говорил: «Погоди, дорогая».
Но рассвет подкрался, как враг,
От меня тебя отрывая.

Այս ծովական գիշերս ի քուն՝ 55
ես երկու շրջան մանեցի.
Խօշ եարս այլ ի միտս ընկաւ,
թէզ մ՚ելայ, գջահրաս վերուցի.
Փարչիկ մ՚այլ գինի առի,
խօշ եարիս դուռըն գընացի,
— Խօշ եար, ա՛մ, ըզդո՛ւռըն բաց,
ձիւն եկեր, ոտվիս կու մըսի:

В ту долгую ночь лишь раз, лишь два 55
я прялку повернуть могла,
Мне вспомнился желанный яр,
я встала, пряжу убрала,
И, сладким ковш налив вином,
я к двери яра подошла:
«Желанный яр! Открой мне дверь!
Стою в снегу, дай мне тепла!»

56

Քո ծոցդ է ճերմակ տաճար,
        քո ծըծերդ է կանթեղ ի վառ.
Երթամ ես, ժամկոչ ըլլամ,
        գամ, լինիմ տաճրիդ լուսարար:
— Գընա, ծօ տըղա՛յ տըղմար,
        չի վայլես տաճրիս լուսարար.
Երթաս դուն խաղո՛վ լինաս,
        ու թողուս տաճարս ի խաւար:

56

Грудь твоя — белоснежный храм,
        А соски — как лампады в нем.
Позволь мне молиться там
        И стать твоим звонарем.
— Уйди. Легкомыслен ты,
        Не стоишь лампад моих:
Мой храм среди темноты
        Оставишь для игр других.

Հոգե՛կ, թէ տայիր տէսթուր, 57
որ զծոցիկդ ի յե՛տ բանայի.
Զծոցիկդ պաղչայ անէի,
տէսթուրով ի ներս մըտնէի.
Երդուի, երդում տայի,
այն տէսթուրից դո՛ւրս չըգայի.
Այն ի՞նչ անհաւատ Գըրող,
զիս ի քո ծոցուդ գայ, տանի:

Милая, если позволишь 57
платье твое расстегнуть —
Я с твоего разрешенья
в сад превращу твою грудь,
Благословлять его стану,
в этом уверена будь,
Сам сатана не посмеет
смертью прервать этот путь.

Թուխ աչք ու թուխ ունք ունիս, 58
թուխ մազեր, կուլակդ ի հոգիս.
Ծալլայ կարճկըտուր լինիս,
թէ չի գաս գիշերս ի մօտ յիս.
Թէ դու գաս գիշերս ի մօտ յիս,
Նայ դընեմ զերեսդ երեսիս.
Երեսդ երեսիս դընեմ,
որ դըպնու քո շունչդ ի հոգիս:

Эти волосы, брови и взгляд! 58
Умереть я за них был бы рад.
Пусть тебя лихорадит всю ночь.
Если ты не придешь ко мне в сад.
А придешь — и щекою к щеке
Я прильну, чтоб печали помочь,
Чтоб дыханье твое ощутить
У себя на душе в эту ночь.

Մըտիկ իմ եարին արէք, 59
　　զինչ հագեր՝ ամէնն է կանանչ,
Հագեր գոյնըզգոյն կապայ,
　　կոճակ ու օղակն է կանանչ.
Առեր ու պաղչան մըտեր,
　　ջուր կ'երթայ, եզերն է կանանչ.
Մըտիկ ծառերուն արէք,
　　ծառն ծաղկեր, տերեւն է կանանչ:

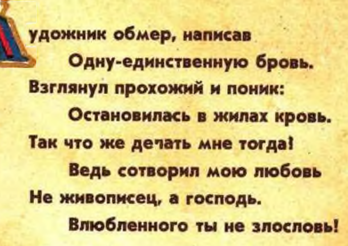

На любимую бросьте взгляд — 59
　　Как к лицу наряд ей зеленый!
На всех пуговицах подряд
　　Отблеск звездных лучей зеленый.
Обнялись и вошли мы в сад,
　　Там петляет ручей зеленый.
Там большие деревья стоят
　　Цвет листвы и ветвей—зеленый.

Նաղաշ մ’ըզղելէմն առեր, 60
լուք զսուրաթն ի թուղթն է գըրեր.
Ջէտ որ ի յուներն ելեր,
Նայ ինկեր նաղաշն ու թուլցեր.
Մէկ մ’ըզնաղաշին նաղշածն
է տեսեր ու հէյրան եղեր.
Ես զիմ աստուծոյ ստեղծածն
եմ սիրել, ’ւ ի ճօշք են առեր:

Художник обмер, написав 60
Одну-единственную бровь.
Взглянул прохожий и поник:
Остановилась в жилах кровь.
Так что же делать мне тогда!
Ведь сотворил мою любовь
Не живописец, а господь.
Влюбленного ты не злословь!

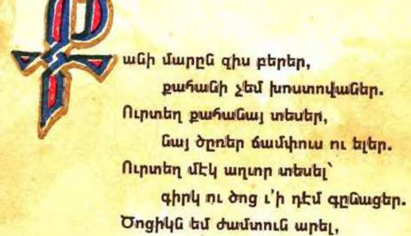
Առին զիմ եարին սուրաթըն, 61
տարան Չին-Մէչին արմաղան.
Տարան եւ ի ժուռ ածին,
սուրաթին նըման չըգըտան.
Հինգ հարիւր ու վեց հազար
նաշխարարն ի մէկտեղ եկան.
Մէկըն չըկարա՛ց գըրել
զիմ եարին սուրաթն ի նըման:

Взяли милой моей портрет, 61
по стране вдаль понесли,
Всех людей расспросили —
нет, равного не нашли,
И шесть тысяч пятьсот живописцев
со всей земли
Даже тени подобного
изобразить не могли!

անի մարդն զիս բերեր, 62
   քահանի չեմ խոստովաներ.
Ուրտեղ քահանայ տեսներ,
   նայ ծըռեր ճամփուս ու ելեր.
Ուրտեղ մէկ աղւոր տեսել՝
   գիրկ ու ծոց ւ՚ի դէմ գընացեր.
Ծոցիկն եմ ժամտուն արել,
   ծըծերուն եմ խոստովաներ:

С той поры, как рожден на свет, 62
   мне спасенья в молитвах нет.
И пускай священник зовет —
   сворочу, не пойду вослед.
А красавица поглядит —
   славословлю и шлю привет.
У колен ее — мой алтарь,
   я грудям ее дал обет.

63

Քո գունովըն գինի՛ պիտէր,
խըմէի ու հարբենայի.
Քո ծոցդ Ադամայ դըրախտ,
մըտնէի, խընձո՛ր քաղէի.
Քու երկու ծըծամիջին
պառկէի ու քուն լինէի.
Ան ժամն ես հոգի պարտ'ի
Գրողին, լուկ թող գայ, տանի:

63

Вино твоего румянца
мне пить бы опять, опять.
Библейский рай — твое тело,
ах, яблоко бы сорвать!
Уснуть на груди прекрасной —
не высшая ли благодать!
За это ангелу смерти
не жалко мне долг отдать.

Սիրեմ զայդ սիրուն երեսըդ, 64
որ լուսին ի մոտն է գերի.
Պագնեմ զայդ բարկուկ պըռկունքդ,
որ շաքարն ի մոտն է լեղի.
Թուխ աչք ու կամար ունքերդ
քան ըզծով կու զարնէ ալի.
Բերնիկդ է ի շիշ նըման,
որ վարդին ջըրովն է ի լի:

Я ласкал бы твой нежный лик, 64
озаренный лучом луны.
Целовал бы в губы тебя,—
они сладким вином пьяны.
В темно-синих твоих глазах —
перелив и качанье волн.
Словно розовый венчик,
рот благовонной росою полн.

Մահալօքս ի վար կուգ'ի,
Նայ տեսայ դըռնակ մ'ալ ի բաց,
Մըտայ ու բարեւ տըվի,
Նայ տեսայ իմ եարն ալ ի հաց.
Կըթխակ մի գինով լըցած՝
իմ եարին առջեւն է դըրած.
— Իմ եա՛ր, խըմէ՛ իմ դիհաց,
որ ելնէ հոգիս քո դիմաց:

Шел я вечером — было темно,
Лишь одно светилось окно
И открытыми двери были.
Я вошел; ты густое вино
Наливала из полной бутыли.
И сказал я, что думал давно:
«Выпей, милая, лишь за одно:
Чтоб мы вечно друг друга любили!»

66

Մահալօքս ի վար կուգ՚ի,
Նայ տեսայ լաթեր լըւացած.
Ի յայն լաթերուն միջին
լըւացած շապիկ մ՚էր փըռած.
Իր կուրծքն էր ղալեմ քաշած,
ու թեզնիքն էր մատնեհարած.
Ատոր տէրն ի յի՛ս պիտէր,
զիս հազա՛ր դեկան՝ դա գընած:

66

Я увидел на веревке
выстиранное белье,
Средь белья висит рубашка —
сердце замерло мое.
Рукава расшиты шелком,
на груди еще шитье...
Ах, купить ценою жизни
мне б владелицу ее!

67

Ճերմակ ծո՛ց ու լա՛յն ճուպայ,
    ի ծոցիկդ ի վա՛յր տահեցայ.
Այդ խակ թեւերուդ միջին՝
    գի՛րկ ածի, պահիկ մ՚արգելցայ.
Ձեռկունքս այլ ի վեր կալայ.
    «Տէ՛ր, արա զմահիկըս հոսայ.
Զմահիկս ու մատղի՛կս արա
    ադկեկան կըրծո՛ցն ի վերայ»:

67

Белогрудая в кофте белой,
    По груди твоей нежной, незрелой
Я рукою легко скользнул,
    Я губами к губам прильнул,
И в глазах у меня потемнело.
    Поднял руки я: «Боже, сделай,
Чтобы я на груди этой белой
    Вечным сном блаженно уснул!»

68

Ասես թէ եաղութն ես դու
կամ զըմրութ կամ ամբարինայ.
Թափած է ի քո վերայ
վարդեջուր հազար փիալայ.
— Հոգի՛, թէ զայդ ինձ ասիր,
Նա ճերմակ ծոցըս քեզ ծառայ.
Ջկոճկիկս այլ արձա՛կ անեմ,
մուտ ի մէջըն յէշրաթ արա:

68

Из чего ты создана!
Из рубина, изумруда!
Мылась розовой водой
из какого ты сосуда!
— Если это обо мне,
я и вправду белогруда,
Пуговицы расстегну —
погляди-ка, что за чудо!

Ասես թէ կըտրած ես դու 69
ի ճերմակ որթոյդ խաղորէն.
Վանց ըզքո մահպուպ սուրաթդ
ի վարդէն սուլթան տերեւէն.
Ես ըզքեզ սիրել կամիմ,
թող ճօշան զիս երկիրս ամէն.
Ի՛ի ծոցըդ մըտնուվ կամիմ,
թէ հազար թուրք ես ւ՛անօրէն:

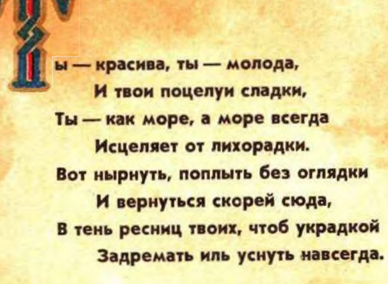

Ты ль не вырезана из лоз **69**
Виноградника белого!
Не из самых ли лучших роз
Твое личико сделано!
Не боюсь я ничьих угроз,
Я с тобою смелее смелого.
Будь турчанкой, и то б вознес
Я тебя выше мира целого.

Հա՛յ իմ փոքրիկ շամամ, 70
քո ծոցուդ ա՛մ ե՞րբ տիրանամ,
Քո ծոցդ է ի ծով նըման,
ծովըն դեղ կ՚ասեն ի ջերման.
Փոքրիկ մըտերմիկ լինամ,
ու մըտնում ի ծոցդ ու լողամ.
Ծովուդ ալ ի դուրս ելնում,
ուներո՛ւդ շուքըն քընանամ:

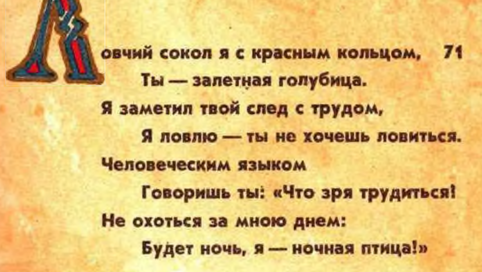

Ты — красива, ты — молода, 70
И твои поцелуи сладки,
Ты — как море, а море всегда
Исцеляет от лихорадки.
Вот нырнуть, поплыть без оглядки
И вернуться скорей сюда,
В тень ресниц твоих, чтоб украдкой
Задремать иль уснуть навсегда.

Բազայ մի որդան փոկով՝ 71
կու որսար զորսըն ցորեկով.
Կաքաւ մի հազար փետրով՝
էր ընտել աչուին ճոթերով.
Կաքաւն ի բազան ասաց.
«Մի՛ որսար զորսըն ցորեկով.
Ես չե՛մ ցորեկուան որսիկ,
զիս որսա՝ մութըն գիշերով»:

Ловчий сокол я с красным кольцом, 71
Ты — залетная голубица.
Я заметил твой след с трудом,
Я ловлю — ты не хочешь ловиться.
Человеческим языком
Говоришь ты: «Что зря трудиться!
Не охоться за мною днем:
Будет ночь, я — ночная птица!»

72

Աչերըդ դու հանց ունիս,
    աջն էրէ՛, ձախըն խորովէ.
Ունքերըդ դու հանց ունիս,
    որ Շիրազն ի հիմնէ քակէ.
Հալապ ու Դըմըշխ քաղաք
    ով որ ըզքո ձայնըդ լըսէ,
Տըւել զարեւուն ըզլուսւորկըն,
    հասրաթով ըզքեզ կու տէսնէ:

72

Ослепительный блеск
    И огонь твоих глаз
Может реку поджечь
    И разрушить Шираз.
Если в город Дамаск
    Голос твой долетит,—
Кто услышит его,
    По тебе загрустит.

Աչերդ է ի ծով նըման, 73
որ ի Մըսրայ դուռն է կանգներ.
Վարսերդ ի յայլի նըման,
որ քամին կ՚անէ տարուբեր.
Քան զուռ ես ի վեր վազեր,
քան զկարմիր խընծոր թոլորեր.
Պայծառ ես քան ըզքաֆուր վա՛րդ,
որ հոտով զաշխարհս է լըցեր:

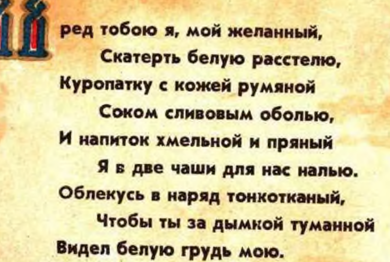
Спорят с морем под Месрой 73
эти очи глубиной,
Эти кудри разметались
ветром зыблемой волной.
Возросла ты, точно ива,
ты — как яблок наливной.
Ты наполнишь ароматом
белой розы мир земной.

Հա՛յ եար, հա՛յ եար, 74

Էպրըշում խալի ձըգիմ
ոսկիթել տօշակի վըրայ.
Բարձիկ մը սուֆրա դընիմ,
տապակած կաքաւ մի վըրայ.
Շուշայ մի գինի բերեմ,
ան խըմիմ քու սիրուն վըրայ.
Հագնիմ ի շարէ շապիկս,
որ շարէ ծիծերս երըւայ:

Пред тобою я, мой желанный, 74

Скатерть белую расстелю,
Куропатку с кожей румяной
Соком сливовым оболью,
И напиток хмельной и пряный
Я в две чаши для нас налью.
Облекусь в наряд тонкотканый,
Чтобы ты за дымкой туманной
Видел белую грудь мою.

мուր եմ քարիդ ճըման, 75
որ մըրճիկն ի յիս չի բանի.
Բարձր եմ թուխ ամպիդ նըման,
որ ոչով ի յիս չի հասնի.
Աղեղն եղեւնի լինի,
ու լարն ի վերայ փալենի,
Քաշօղն քաջորդի լինի,
հապա թէ իմ սիրուն հասնի:

как скала, крепка: 75
Не раздробить меня.
Как туча, высока:
Не покорить меня.
Пусть будет лук упруг
И богатырь стрелок,
Коль о любви моей
Он вдруг подумать мог.

Վարի վարճինակդ եմ ես, 76
 արգելէ, ո՛ մարդ, թէ կարես.
Թըռչիմ, ա՛յլ երամ խառնիմ,
 գաս ի հետ կանչել, թէ կարես.
Ոսկի խաֆէս այլ շինես,
 զիս ի ներս դընել չըկարես.
Ջերկիր բարեխօս բերես,
 զիս ի տուն տանել չըկարես:

Я, как всякая птица, дика. 76
 Я твоя, коль удержит рука.
А упустишь — в небе растаю
 Иль смешаюсь с чужою стаей,
Не узнаешь издалека.
 В клетку вновь ты меня не заманишь,
Станешь ладить силок — не обманешь,
 Не боюсь твоего силка.

Այս առաւօտուս լուսուն՝ 77
գայր ջըրին ձայնիկն գըղգըղուն.
Այն իմ պէօֆայ եարին՝
ձայնն անուշ էր, քան զամենուն.
Բարակ սիրոյ տէր մարդիկ՝
ինքն ու իր եարը մէն ի քուն.
Պա՛գ տան ու պագ առնուն,
պագ պահեն մէկալ գիշերուն:

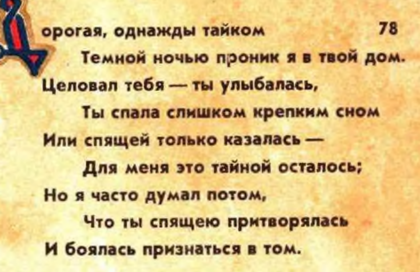

Было слышно: вода рокочет, 77
Ветерок играет травой.
Но отрадней всех звуков прочих
Был мне голос моей дорогой.
Как безбожно любовь порочит
Тот, кто спит в этот час неземной,
Кто сберечь этой ночью хочет
Поцелуй для ночи другой.

Նօ՛շ եարիկ, կարե՞ս գիտել 78
դու զիմ գալըս քեզ գիշերով.
Եկի, զքեզ ի քուն գըտայ,
պագ առի հազար համարով.
Չըգիտեմ՝ ի քուն էիր,
թէ՞ տըւիր դու սըրտի կամով.
Կամ խիղճ ի մըտիդ բերիր,
թէ մանուկ մ՚եկեր գիշերով:

Дорогая, однажды тайком 78
Темной ночью проник я в твой дом.
Целовал тебя — ты улыбалась,
Ты спала слишком крепким сном
Или спящей только казалась —
Для меня это тайной осталось;
Но я часто думал потом,
Что ты спящею притворялась
И боялась признаться в том.

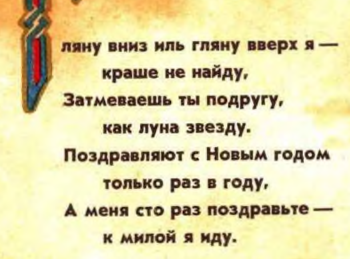

79

Իմ եա՛ր, թէ ի վեր հայիմ,
 թէ ի վայր, քան ըզքեզ չըկա.
Ամէնն աստեղաց նըման,
 դուն ի մէջ պայծառ լուսընկա.
Կաղանդըն շնորհաւոր կ՚ասեն,
 ի տարին մէկ օր մի կու գայ.
Այսօր ինձ հազա՛ր կաղանդ
 աչերուս, որ ըզքեզ տեսա:

79

Гляну вниз иль гляну вверх я —
 краше не найду,
Затмеваешь ты подругу,
 как луна звезду.
Поздравляют с Новым годом
 только раз в году,
А меня сто раз поздравьте —
 к милой я иду.

Աղուո՛ր, զքեզ աստուած ստեղծել,
մարդ օրհնած, որ զքեզ բերել է.
Ո՛չ լուսին ի քեզ նըման,
ո՛չ արեւ, որ դեռ կու ծագէ.
Զուհալ աստղ ի քեզ նըման,
որ ամէն առաւօտ կ՚ելնէ,
Կ՚երթայ ի Հոռոմք ի վար,
լուսըն մոյթն ի հօն բաժանէ:

О царица, пусть будет воспета
Мать, что в муках тебя родила.
Ни луна, ни другая планета
Не светлей твоего чела.
Ты — денница, ты — утра примета,
Блещешь где-то во тьме облаков,
Темноту отлучаешь от света
Возле греческих берегов.

Իմ բարձրագընա՛ց լուսին, 81
շատ բարե՛ւ տար իմ կիւզելին:
— Ջբարեւդ ես ի ո՞ւր տանեմ,
չեմ գիտեր ըզտունն կիւզելին:
— Գընա ի վերայ թաղին,
բարձըր պատ ու ծառն ի միջին.
Նըստեր ի ծառի շըքին,
կը խըմէ իր լուրջ ապիկին,
Խըմէ ու հայրէն կ'ասէ.
թ'«Ի՛նչ անուշ է սէրն ու գինին»:

— Высоко ты ходишь,— 81
милой передай привет, луна!
— Передам привет я милой,
но не знаю, где она.
— Видишь дерево в саду,
где высокая стена!
Пьет из чаши голубой
там под деревом она
И армянской речью славит
сладость ласки и вина.

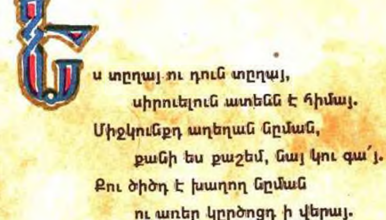
Իմ բարձրագընա՛յ լուսին, 82
յո՞ւր երթաս գիշերըդ անհուն.
Շատ յերդիք ի վար հայիս.
կու տեսնես շատ կիւզել ի քուն.
Զկոճկիկն ալ յարձակս արեր,
լոյս դիպեր ի մէջ ծըծերուն.
Շառաւիղ յերկինս տուեր,
խաւարեր լո՛յսըն աստղերուն:

Скажи, мой милый месяц, мне: 82
куда ты ночью правишь путь!
Сквозь окна многих милых дев
ты видишь легших отдохнуть;
Они полураздеты все:
твой луч им падает на грудь,
И заставляет, отражен,
он звезды в свете потонуть!

ս տղայ ու դուն տղայ,
սիրունելուն ատենն է հիմայ.
Միջկունքդ աղեղան նըման,
քանի ես քաշեմ, նայ կու գա՛յ.
Քու ծիծդ է խաղող նըման
ու առեր կըրծոցդ ի վերայ.
Քու ծոցդ առաւօտ նըման,
քանի յետ բանամ, նայ լուսնայ:

83

Я молод, ты молода:
нам любовь — для счастья и мук.
Твой стан — словно лук.
Но нет, уступает в гибкости лук.
Соски твои — виноград,
грудь твоя подобна заре:
Чем больше ее открыть —
тем светлее станет вокруг.

83

84

Ես շար շապիկ լինէի,
'ւ ի անձինդ վերայ կանգնէի.
Ոսկով 'ւ ապըրշում կոճկեկ,
որ շըլնիդ ի գիրկ ածէի.
Կամ ջուր կամ նըռան գինի,
որ ի քո կըթղադ կենայի.
Առն'իր, բերանըդ դընէիր,
ցածնայի, զդունշըդ պագնէի:

84

Мне б рубашкою стать льняною,
Чтобы тело твое обтянуть,
Стать бы пуговкой золотою,
Чтобы к шее твоей прильнуть.
Мне бы влагою стать хмельною
Иль гранатовою водою,
Чтоб пролиться хоть каплей одною
На твою белоснежную грудь.

Եղէգն ի շամբին միջին 85
կու ճօճայ, այն քո՛ւ անձըն է.
Քու մէջքդ է բարակ ւ'երկան,
եւ պօյկդ է սալւի րո̀վան.
Ջուր անմահութեան կ'ասեն,
այն ի քո՛ ծոցըն կու բըխէ.
Երնէկ ես անո՛ր կու տամ,
որ դըն̣է զբերանն ու խըմէ:

Стан твой тонок, ты высока, 85
Как тростиночка, ты гибка,
Говорят, что вода живая
Наподобие родника
Из груди твоей бьет, исцеляя
Всех, кто выпьет хоть полглотка.
Счастлив тот, кто пьет, припадая
К бугорку твоего соска!

Հա՛յ մեր մահալի մորճուկ, 86
мեր աղբիւրն ի ջուրն ես եկեր,
Լուսինն ի ծոցէդ ի վայր՝
աղբըրին ի յակն է ցաթեր.
Երնէկ ես անո՛ր կու տամ,
որ գիշերն ի ծոցդ է պառկեր.
Գըրկիկ կուռ միջացդ ածեր,
ու զբերնիդ բոլորն է պագեր:

ришла ты поздно за водой. 86
Я помню: ночь была темна,
Когда в родник с груди твоей
Скатилась полная луна.
Как я завидую теперь
Тому, в кого ты влюблена,
Кто губы целовал твои
В твоих объятьях допоздна!

Զիմ եարն ի գընալ տեսայ, 87
  կանչեցի՝ Պագիկն ի քանի՞:
Դարձաւ ու ճուղապ ետուր,
  թէ՝ «Քանի՛ քո չարն ու քանի.
Պագն որ դըրամով լինի,
  չեմ իտար, թ՚աշխարհ աւերի.
Թէ ինձ մուրատով կ՚ուզես,
  եկո պա՛գ՝ հաւասդ անցանի»:

— Что возьмешь за поцелуй, 87
  молви, дивное созданье!
Усмехнулась:
  — А твое велико ли достоянье!
Если хочешь заплатить,
  не получишь ты лобзанья,
Если любишь горячо —
  утолю твое желанье.

Եկո՛ քեզի նուռ մի տամ, 88
կըտրէ, տես քանի՞ հատ ունի.
Ամէն հատի պագ մի տուր,
աւելին հարա՛մ թէ պիտի.
— Գընա, ծօ տըղա՛յ տըխմար,
ես ըզքեզ խելօք գիտէի.
Ամէն հատի պա՞գ մի տամ,
ո՞ւր եղեր կամ ո՞ւր տի լինի:

от гранат, разрежь, 88
ты видишь, сколько зернышек внутри,—
За зерно по поцелую,
лишнего мне не дари.
— Я тебя считала умным,
уходи и не дури.
Это слыханное ль дело —
целоваться до зари!!

Նկին ու խապար բերին, 89
թէ՝ «Ելէր քո եարն ու կու գայ»:
Եկէ՛ք, մեք ի դէմ երթանք,
որ նորա սիրտըն չի մընայ.
Պագնեմք զիր կարմիր երեսն,
որ աշխարհս չէ ի գին նորա.
Առնումք ի ոտուց փոշուն,
ու քաշեմք աչուիս թութիա:

Мне сказали сегодня под вечер: 89
Милой путь в нашу сторону лег!
Так давайте пойдем ей навстречу
И поможем взойти на порог.
Я ее поцелуем привечу,
Пыль дорог отряхну с ее ног.
Я чудесный ей дам порошок,
Что от хвори и горестей лечит.

Խալտեցայ, խալատ մ'արի,
ան գէշէն պագիկ մ'ուզեցի.
Ան գէշն ալ ի նազ ելաւ.
«Չե՛մ ի տար, անունս աւըրի»:
Աղուոր մի ներսէն ի դուրս.
«Ի՞նչ միննէթ կ'ընես ատ գիշուն.
Պագիկն աղուորէ՛ն ուզէ,
որ գիտէ խաթրը կըտրիճուն»:

оцелуй, обознавшись, просил
У дурнушки, но стала она
Говорить: «Опозорил меня!»
И ломалась: мол, ты мне немил.
Тут красавица крикнула мне:
«Что ты возишься с ней без конца!
На красавицу взор обрати,
Знаю, как оценить молодца».

Եկին ու խապար բերին, 91
թէ քո եարն եղեր հաբեղա.
Փուշ արմացքըն գիս պատեց,
թէ նա ո՞նց եղաւ հաբեղա.
Բերնիկն էր շաքրի սովոր,
աճապ ո՞նց կերաւ նա բակլայ.
Անձիկն էր շապկի սովոր,
աճապ ո՞նց հագաւ նա փալայ:

Люди пришли и сказали: 91
«Стал твой любимый монахом».
В недоуменьи безмолвном
я размышляю со страхом:
«Как он смирится с горохом —
сладкое ел на пирах он,
Как власяницу наденет —
к тонким привык он рубахам!!»

Լուսիկ քոլըրեր ւ՛եկեր,
— Ես ի քու խարիպդ ի նըման:
— Խըպնէ՛ ւ՛ամչնէ լուսի՛կ,
ո՞ւ տեղդ իմ խարիպիս նըման:
Խարիպըս թուխ աչք ունէր,
թուխ յունէր ու շուշման բերան.
Շըրթունք շուրթեղէն ունէր,
սըռմա թել պեխերն ի վըրան:

Мне месяц ясный говорит:
«Неправда ли, похож
Я на гариба твоего!»
«Нет, месяц, это ложь!
Он, чернобровый, мой гариб,
Собою так хорош!
От золотых его усов
Очей не оторвешь».

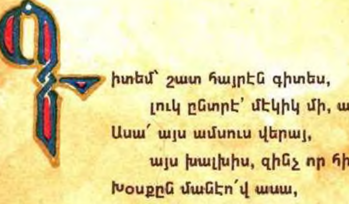
Ես շէֆթալուի մորճ մ'էի,
ապառաժ քարը բուսնէի.
Եկին, քաշեցին, տարին,
զիս այլոց այգին տընկեցին,
Շէքրէն ալ շէրպէթ արին,
ու բերին ինձի ջըրեցին.
Եկէք, զիս տեղըս տարէք
ու ձըւնան ջըրով ջըրեցէք:

Я персиковый саженец.
Не для моих корней
Земля возделанных долин.
Утесы мне родней.
Шербетом поят здесь внизу.
Расти мне все трудней.
Испить бы снеговой воды
Среди родных камней!

94

իտեմ՝ շատ հայրեն գիտես,
    լուկ ընտրե՛ մեկիկ մի, ասա.
Ասա՛ այս ամսուս վերայ,
    այս խալխիս, զինչ որ հիմիկ կայ.
Խօսքըն մանե՛ով ասա,
    մի՛ աներ մարդուս քու ճուպայ.
Գիտես, որ ղարիպ եմ ես,
    ղարիպին սիրտըն չի մընա:

94

ыбери четверостишье,
    что на ум тебе придет,
Говори про наше время,
    про людей, про жизни ход,
Только не хули без смысла
    бездомовников-сирот,
Полагая, что скитальцы —
    необидчивый народ.

Մարիկն անիծեց զորդին. 95

«Իմ որդի, դուն ղարիպանաս,
Երթաս ի յօտար երկիր,
զղարիպին ղատրըն գիտենաս.
Ըզքարըն սընարք առնես,
ի վերայ աւզին քընանաս.
Վաղվենէ ի վեր ելնես,
քան զաստուած այլ ճար չունենաս»:

Самым худшим из проклятий 95
проклинала сына мать:
«Уходи в края чужие,
чтоб навек скитальцем стать,
С твердым камнем в изголовье
на песке ты будешь спать,
Встанешь рано и припомнишь
отчей кровли благодать».

96

վ օտարին վատ ասէ,
 ինքն այլ ղարիպ լինենայ.
Երթա ի յօտար երկիր՝
 զղարիպին դատրըն գիտենայ.
Ղարիպն ի յօտար երկիր՝
 թէ ոսկի թաթաւ գա նորա,
Ի իւր սիրելեացն ի զատ
 այն ոսկին մոխի՛ր չարժենայ:

96

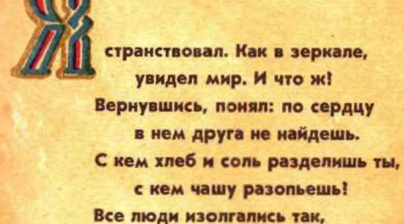

бидевший скитальца
 пусть станет сам таким,
Пускай поймет, что значит
 под небом жить чужим.
Хотя дождем там будешь
 осыпан золотым —
Всё будет вспоминаться
 родных селений дым.

Ջաշխարհս այլ ի յափ առի 97
հայեցայ քան ըզհայելի.
Դարձայ ւ'այլ ի վայր դըրի,
Չըգըտայ սըրտով սիրելի.
Հետ այս ժամանակի մարդոյն
աղ .ու հաց ուտել չի պիտի.
Այնչափ կու ճօշան ըզմարդն,
որ ստուտն այլ իրաւ կու լինի:

Я странствовал. Как в зеркале, 97
увидел мир. И что ж!
Вернувшись, понял: по сердцу
в нем друга не найдешь.
С кем хлеб и соль разделишь ты,
с кем чашу разопьешь!
Все люди изолгались так,
что стала правдой ложь.

Հոգիս ի մարմնոյս ելաւ, 98
Նա նըստա առջևն ու լացի.
«Ա՛յ հոգի, դու ո՞ւր կ՚երթաս,
երբ քեզնո՛վ եմ ես կենդանի»:
Հոգիս ալ մարմնոյս ասաց.
«Ես ըզքեզ խիկար կու գիտ՚ի.
Երբ տունն ի քակել առնու,
տէրըն ներսն այլ ի՞նչ բան ունի»:

Душа моя ушла из тела, 98
и горько плакал я:
— Душа, куда ты улетела,
в тебе вся жизнь моя!
— Я думала, что ты умнее,
безумна речь твоя:
Когда разрушен дом,
хозяин уходит из жилья.

99

Մարդըս որ շատ անդէճ լինի,
յաշխարհիս հոգսըն կու մաշի.
Շաքա՛րն իւր լեղի թըւի
եւ լեղին իւրան խըմելի.
Պաղ ջուրն իւր կըրակ թըւի
'ւ ի ահէն քան զմոմ կու հալի.
Դիւր կեանքըն դիժար թըւի
'ւ ի դիժարն իսկի չիհանգչի:

99

От долгих раздумий растут
и печаль и забота,
И сахар не сладок,
и жжется вода отчего-то,
И таешь свечою, страшась
до холодного пота,
Жизнь так непосильно трудна,
что и жить неохота.

աուրն ի հազար պահուն, 100
տէ՛ր, փրկէ ի մարդոյ շառէն.
Մարդոյ շառն այնչափ չար է,
որ գազան յիրմէն կու փախէ.
Ջառիւծն ի զէնճիլ դըրած,—
գազանաց գըլխաւորն է.—
Արծիւն ի հաւան ելեր
ու մարդուն ահէն կու փախէ:

леветы человеческой 100
пуще всего берегись.
Научи меня, господи,
как от нее мне спастись.
Лев бежит от злоречия,
прячется хищная рысь,
И орел поднимается
в неомраченную высь.

Խելօքին հարցուկ եղան, 101
թէ զպատճառն ո՞վ իսկի գիտէ.
Աստուած է՞ր հոգին ստեղծել
’ւ ի հողէ մարմին կապել է:
— Կարծեմ վասն այնոր արար,
թէ ի վեր քարշել զնա կարէ.
Կամ զհոգին ի մէջ մարմնոյն
քան զխալաս ոսկի նա զուգէ:

Спросили мудреца: 101
— Скажи, ты знаешь или нет,
Зачем при теле душу дал
творец, создавший свет!
— Возможно, чтоб людей
поднять превыше зол и бед,
Иль душу в тело он вложил,
как в перстень самоцвет.

Переводы на русский язык часто служат основой для переводов на другие языки. Айрены Наапета Кучака переводились по русским переводам на румынский, польский, словенский и другие языки. И если перевод, как говорил Ованес Туманян,— это роза под стеклом: роза видна, но аромата ее не чувствуешь, то перевод, в основе которого лежит перевод,—это роза под матовым стеклом: черты оригинала трудно угадываются. Уже одно это обстоятельство оправдывает издание подстрочных прозаических переводов на русском языке. Чтение подстрочников может быть полезным и в ряде других случаев. Например, литераторы, не владеющие армянским, с большей уверенностью могут судить о Кучаке.

Айрены написаны на среднеармянском языке. Среднеармянский сделался языком поэзии в XII веке, вытесняя древнеармянский язык грабар (первые произведения на грабаре были написаны в начале V века).

Подстрочники воспроизводят текст оригинала буквально, слово в слово. Встречаются, однако, и такие выражения, которые не поддаются буквальному переводу на русский язык. В оригинале айрена № 2 сказано о снеге «պաստրիկ ձիւն» (сильный, крепкий снег; не в смысле морозов, а

в смысле количества). Опущенное в подстрочнике определение «պաստիկ» компенсируется тем, что в подстрочнике вместо единственного числа «снег» (так в оригинале) множественное «снега».

В оригинале айрена № 32 кучаковский герой молит бога сделать так, чтобы «кончилось семя синьки» («զեղակի հունդըն հատանի»). По подстрочнику: «... чтобы не стало синего цвета». В айрене № 67 встречается выражение: «Այդ խակ թևերուդ միջին՝ գիրկ ածի», т. е. обнял девушку, продев свои руки между ее незрелых, молодых рук. Здесь важно не то, как герой обнял девушку, а то, что она очень молода, поэтому в подстрочнике сказано: «обнял тебя», но выражение «незрелые руки», т. е. молодые руки, тоже передано («я коснулся твоих грудей, твоих незрелых рук»).

Переводы айренов, опубликованные в этом сборнике, сделаны по подстрочникам, но не по тем, которые мы здесь приводим. Это обстоятельство следует особо подчеркнуть, так как в ряде случаев встречаются в переводах неточные выражения, которые были неточно переданы в подстрочниках. Так, например, в айрене № 100 слово «շառ» не переводится. Вере Звягинцевой был дан подстрочник, где это слово переводилось как «клевета». В нашем подстрочнике не «клевета», а «зло», это точнее передает смысл слова «շառ» в данном контексте.

Публикуя переводы айренов рядом с оригиналами, не рискуем ли мы их, так сказать, репутацией? Недостатки переводов приобретают характер очевидности. Но ведь и достоинства поэтических переводов становятся очевиднее. Заслуги В. Брюсова, Ф. Сологуба, В. Звягинцевой, Н. Гребнева, А. Кушнера, В. Микушевича как переводчиков айренов общепризнаны.

Были, однако, и такие случаи, когда переводы критиковались с буквалистических позиций. Недавно один из авторов,

считающий себя серьезным литератором, очень возмущался тем, что в переводе (айрен № 41) герой стихотворения говорит пророку Давиду: моя любимая так хороша, что если бы ты, Давид, встретил ее, то влюбился бы и ночью лег бы с нею. В оригинале: если бы ты встретил не мою любимую, а *такую, как моя любимая*. Автора это возмутило, он решил, что попраны самые основы нравственности, что герой Кучака по воле переводчика предлагает свою любимую пророку Давиду — иди, мол, и спи с ней. И в самом деле, как тут не возмутиться!

Переводить поэзию трудно, писать о переводчиках поэзии тоже трудно. Ованес Туманян (еще раз вспомним мудрейшего из людей и поэтов) говорил: «Есть критики, которые специально выискивают у поэтов и писателей неудачные произведения и исследуют только их. Это люди не умные, не имеющие вкуса, да и просто плохие люди. Недостатки замечать надо, но поэта необходимо узнавать и оценивать по его удачным, хорошим стихам.

И так должно быть при оценке не только оригинальных произведений, но и переводных. Ведь перевести стихотворение, и к тому же стихотворение, имеющее свое дыхание, свой стиль,— очень трудно, и редко когда это удается».

Когда мы пишем о поэзии и переводах поэзии, мы должны помнить об этих словах Ованеса Туманяна.

Л. М.

1

Завидую тому, кто взял
    с собой любимую и сбежал.
Только мост они перешли —
    поднялась вода, унесла мост,
Пошел снег, выпал иней —
    затерялись следы их ног.
Он с нею вошел в сад —
    и днем ее поцеловал.

2

Пока ты моей была,
    все зеленело, на всем была роса.
Когда ты ушла от меня,
    пошел снег, все покрылось инеем.
Если вернешься ко мне, образумишься,
    стану на твоем небосводе жарким солнцем
Согрею тебя светом лучей,
    чтобы растаяли снега.

3

Где ты была, откуда пришла!
    Ты — прекраснее любого цветка!
Пришла ты и вошла в мою душу,
    не даешь ни минуты покоя,
Заблудилась в моем сердце,
    не знаешь, как выйти,
Ударила мне в голову
    и слезами пролилась из глаз.

4

В этом мире
    две вещи достойны оплакивания:
Одна — когда человек любит,
    другая — когда его уносит смерть.
Не стоит плакать об умершем,
    известно, от каких ран он умер.
Взгляните на меня, несчастного,
    я ни мертв и ни жив.

5

Твои глаза взяты у моря,
    брови — у черных туч.
Твое лицо и весь твой облик —
    у лепестков красных роз.
Там, где ты стоишь,
    не надо жечь свечей:
Из твоей груди исходит свет —
    и воистину встают умершие из-под земли.

6

Не верьте, братья, когда говорят,
    что не бывает прирученной куропатки.
Вчера я увидел одну,
    завидую тому, кому она принадлежит.
Брови ее вычерчены пером,
    рот наполнен сахаром.
Если умершего обнимет,
    он выйдет из ее объятий живым.

7

Луна, ты хвастаешься, говоришь:
«Я даю миру свет».
В моих объятьях земная луна
прижалась щекой к моей щеке.
Если не веришь мне, плененному,
откину край одежды, покажу ее,
Но боюсь, ты в нее влюбишься
и слабее станешь освещать землю.

8

Что мне делать, как быть!
Увижу красавицу — влюбляюсь.
Если я постиг закон вечности,
пойду обниму красавицу,
Покажу ее богу и скажу:
«Ты сотворил красавицу,
Почему же винишь меня
за то, что я ее люблю!»

9

Отделилась от горы луна
со своей звездою вместе,
Обнял я красавицу и расцеловал
в обе ее щечки вместе.
Создатель своими устами сказал:
«Смотри, не потеряй любимую:
Я не создавал под луною
двух таких бесподобных красавиц вместе».

10

От любви к тебе я как ребенок,
оторванный от груди.
Давно умерла мать,
дитя осталось сиротой.
Дай моему жаждущему сердцу воды,
я горю от твоей любви.
Говори, надежду подай —
мне трудно дышать, я умираю.

11

Я был из тех крылатых,
что с земли зерен не клевали.
Летал высоко в небе,
чтобы не попасть в капкан любви.
Капкан был расставлен в море,
я не знал об этом.
Другие птицы попадали в капкан лапками,
я попал с лапками и с крыльями.

12

Уходи, ты мне не нужна,
надоела ты сердцу моему.
Ты пронзила меня —
я далек от тебя сердцем.
Если придут и скажут: ты стала водой,
стала единственным в мире источником,
Год буду томиться от жажды,
не выпью ни капельки из твоего источника.

13

Когда я был маленьким,
меня называли золотым мальчиком.
Вырос, влюбился,
теряю цвет лица.
Юноши, клянусь жизнью,
перед любовью и камень не устоит!
Для любви нужны камень и железо
да еще стальные дверцы.

14

Ради создателя,
не играй бровями, когда ходишь.
Кинжалы этих твоих глаз
пролили кровь многих.
Любимая, ради твоей жизни,
я — сирота, не заставляй меня плакать.
Я молод, не бросай
меня в свой огонь.

15

Я — глаза, а ты — свет, душа моя.
Без света глаза меркнут.
Я — рыба, а ты — вода, душа моя.
Без воды рыба умирает.
Если вытащить рыбу из воды
и бросить в другую, она будет жить.
Если меня разлучат с тобой — умру,
и только смерть мне будет избавлением.

16

Я так краснею от твоей любви,
как багровеют облака.
Весь свет знает,
что я люблю тебя грешной любовью.
Мои лукавые глаза
ни на минуту не остаются без дела,
Плачут весь день — тебя желают,
других не очаровывают.

17

Красавица, не надевай синее,
не играй, не очаровывай руками.
Не ходи, красавица, мимо наших дверей,
не кокетничай.
Твой отец сделал много добрых дел,
много мостов перекинул через реки.
И ты сделай доброе дело —
дай тебя расцеловать.

18

У тебя красное и белое лицо.
Долго ли оно будет меня жечь!
Ты сидишь на пирах,
бровями со мной беседуешь,
Пуговицы расстегнешь —
покажешь белую грудь.
Боюсь, встанешь — уйдешь,
истоскуюсь по твоим грудям.

19

Что мне делать, как быть!
Нет у меня любимого, чтобы позвал меня.
Нет у меня терпения, чтобы молчала
хоть час, не говорила о тебе.
Я так жажду твоей любви,
как цветок жаждет летом воды,
Смотрит на небо
и молит о капле воды.

20

От любви к тебе дрожит мое сердце,
как осенний листок.
Слезы льются по моим щекам,
как весенний дождь.
Душа покинула мое тело,
пусти меня к себе.
Я привык к твоим объятьям,
к кому же я пойду! — скажи!

21

Я разбил сад —
какие там прекрасные саженцы!
Поливал, растил саженцы —
отняли их, я плачу,
Брожу по горам, как куропатка,
потерявшая птенца.
Слыхал, есть у тебя силки,
расставь — приду, попаду в них.

22

Уйду, не останусь здесь.
Куда уйду, и там не останусь.
Пойду в страну греков,
сделаюсь изгнанником, никогда не вернусь.
Если придут и скажут тебе, где я,
далеко буду — еще дальше уйду.
Если придут и скажут, где ты,
буду в цепях — разорву и приду.

23

Встань, выйди из дома,
как выходит утреннее солнце.
Сверкни светом своих грудей,
как весенняя молния из-за туч.
Многих дьяконов и священников
низвела твоя любовь с амвона,
И меня ты сделала влюбленным,
увела из отчего дома.

24

Пожелтел я, как ладан,
побледнел, как шафран.
Не знаю, любовь к тебе тому причиной
или час моей смерти настал.
Мне сказали, есть у тебя
лекарство — дай, оживи,
А то пропаду, умру,
придут, назовут тебя убийцей.

25

Ты обещала — хвасталась:
«Моя белая грудь будет тебе слугой».
А потом передумала.
Кто тебе давал советы! Скажи.
Мне стыдно и больно — придет другой
и овладеет тобой,
Прильнет поцелуем к следам моих поцелуев,
лицом склонится к тебе на грудь.

26

Ты черноглаза и черноброва,
румяное лицо у тебя и широкий лоб.
Твоя белизна — твои груди-шамамы[1],
ты их хранишь внутри.
Умрешь, уйдешь в тот мир,
что станешь делать со своей белой грудью!
Она достанется червям.
Почему же ты лишаешь меня своих чар!

27

Встал я и пришел к тебе,
думал, тоскуешь обо мне.
Мой приход тебя не обрадовал —
так мне показалось.
Не плачь, не грусти,
не считай свой день годом.
Те ноги, что привели меня сюда,
могут и увести.

[1] Шамам — особенно ароматная дыня, по форме и размеру напоминает яблоко.

28

Сколько раз повторять:
«Сшейте моей любимой платье,
Из солнца сделайте верх,
из луны — подкладку.
Темная туча пусть будет ватой,
нитки тяните из моря.
Из звезд сделайте пуговицы,
а из меня — петли для них».

29

В одном я ошибся —
полюбил дочь змеи.
Исполнился веры —
пошел к змеиному порогу.
Змея-мать вышла и ужалила меня —
я сел и заплакал.
Я заслужил эти слезы —
кто был любим змеей!

30

Душа моя, обошел я весь свет,
нет таких мест, где бы не побывал.
Сказал себе: найду девушку,
которую еще никто не любил.
Но нашел и полюбил, душа моя, такую,
которую любили и бросили.
Зачем же я страдал,
если ты лежала с другим!

31

Ты, словно жемчуга, нанизанные на нить,
ты вся, начиная от пальцев ног,—огонь и пламя.
Пусть твою мать поглотит огонь —
она увела, отдала тебя другим.
Если бы были в стране греков и армян
суд да справедливость,
Я вступился бы за тебя,
не позволил бы быть тебе с другим.

32

Та из девушек, у которой грудь бела,
пусть наденет синюю рубашку
И оставит пуговку незастегнутой —
кто увидит, у того сердце обольется кровью.
Пойду к богу, попрошу сделать так,
чтобы не стало синего цвета,
Чтобы она не ходила в синем,
чтобы сердце юноши не обливалось кровью.

33

Шел вниз по улице, увидел свечи,
обтянутые черным бархатом.
Под свечами лежало бездыханное тело
юноши, который любил.
Свеча — воистину было так — пела айрен
и плакала из глубины сердца:
«Этот юноша любил,
а огонь зажжен над моей головой».

34

Все обо мне сплетничают,
хотят всю меня испепелить.
Но я ни в чем не провинилась,
полюбила по влечению сердца.
И как бы я себя ни вела,
мои права написаны у меня на челе.
Раз все обо мне сплетничают,
хочется полюбить и этого юношу.

35

Приди, я дам тебе совет,
и совет от тебя приму.
Ну и что же, что мы полюбили,
чего от нас хотят эти люди!
Там, где меня увидят,
пальцем показывают: «Смотрите, мол, это он».
Как будто мы человека убили,
и говорят мне: «Иди — тебя ждет наказание».

36

Перед рассветом
я поднялся на вашу кровлю.
Склонил голову, прилег
и задремал.
А столб говорит бревну:
«Это влюбленный поднялся на кровлю...»
С того дня как мать меня родила,
я не видел дерева-доносчика.
Дерево в лесу росло,
где оно научилось доносить!

37

Растерялось мое сердечко,
вынесло на продажу все, что имеет.
Любимый, пройди вперед,
либо купи, либо говори — торгуйся.
Назови крупную сумму,
чтобы другие не купили.
Спрашивай, спорь о цене, чтобы не смог
какой-либо невежда прийти и купить.

38

Вижу, душа моей души
идет с кем-то другим.
Обняла его
и жалуется на кого-то.
Мое сердце мне сказало:
«Надо с нею расстаться —
Бессмысленны игры с любовью,
которая навязана силой».

39

Спускался я вниз,
шел тысячами извилистых переулков.
Навстречу вышла любимая,
поздоровалась, как принято.
Я ее обнял и крепко, с большой тоской
поцеловал в щеки.
А она шла и плакала:
«Опозорилась среди бела дня!»

40

Моя прекрасная, перестань, не мучь меня,
от любви к тебе рушится моя душа.
Давай уедем в другую страну,
эта страна нам не нужна.
Уедем, останемся в той стране,
где можно жить без страха, на виду у всех.
До каких пор пребывать нам здесь в страхе
и дрожать и думать: что еще стрясется!

41

Пророк Давид, моя надежда,
много у меня грехов, отпустишь ли!
Я полюбил девушку,
как люблю свет моих глаз.
Если бы подобная ей прекрасная девушка
пришла в твою келью,
Ты бы ее пустил к себе: читал бы днем псалмы,
а ночью обнимал бы ее.

42

Ночью я вышел на улицу,
был чуточку пьян и чуточку трезв.
Встретил я вдруг любимую,
грудь ее полна красных яблок.
Окликнул я ее, руку протянул,
а она вскрикнула: «Унес с ветками!»
Юноши, клянусь вам,
я не брал яблоки силой.

43

Вчера погожим днем
насильно уводили чью-то любимую.
Насильно ее увели,
а может быть, обманули деньгами.
В огне надо сжечь любовь,
которая покупается.
Если любят — одаривают
яблоками и сахаром.

44

Любимый, я не говорила о тебе плохо,
почему ты со мною в ссоре!
Между нами — сплетник,
он ввел тебя в заблуждение.
Сплетник похож на ту змею,
которая обманула Адама,
Обманула, увела из рая
и обнажила Адама, облаченного в свет.

45

Я вышел ранним утром.
Солнце встало перед моими очами.
Столкнулся с красавицей,
подобной тысяче круглых лун.
Я сказал: «Люблю тебя».
Она лишь губу прикусила:
«Любишь — люби молча, про себя,
не говори о любви другим».

46

Вижу, душа моей души
вся в нарядах идет из бани.
Вышел ей навстречу,
улица узкая, многолюдная и шумная.
Она приподняла кисею
и повела бровью:
«Уходи. Придешь ночью —
что теперь трудно, ночью будет легко,
Заключу тебя в свои объятия,
целуй меня до рассвета, тысячу раз».

47

— Красавица, сказал бы тебе одну вещь,
но боюсь твоего отца и не говорю.
Потому не говорю,
что вы богаты, а мы бедны.
— Юноша, не бойся.
Многие богачи обеднели.
Дочери бесчисленных богачей
спят в объятиях у бедных.

48

Поцелуй, что ты мне дала
по желанию сердца,
Словно сладостный плод,
какого нет ни на суше, ни в море.
Похож он на тот плод,
которым Адам обманулся и съел,
Съел и был изгнан из рая,
а я изгнан из твоих объятий.

49

В эту ночь я спала
у себя в постели.
Лунные лучи сплели арку
над моим жемчужным телом.
Во сне увидела любимого
и опьянела от любви.
Вдруг проснулась я —
ночь была лунной, все вокруг блистало.

50

Всего один час я был вдали от твоих глаз,
и ты забыла меня.
Ты сказала про себя:
«Ушел он, никогда больше не вернется».
Но я ведь не ушел на тот свет,
чтобы нельзя было вернуться!..
Взамен тебя дают мне тысячу красавиц —
не возьму — и тебя не отдам.

51

— Любимая, ты спишь на кровле,
твоя грудь дает звездам свет.
Либо возьми меня к себе в постель,
либо отпусти домой.
— И к себе не пущу
и не разрешу, чтобы ты ушел домой.
Продержу тебя в неведении
до тех пор, пока не рассветет.

52

К вам домой я пришел по делу,
увидел тебя — позабыл о деле.
Ноги ни вперед, ни назад не идут —
я в растерянности.
Быть мне тысячекратно тебе слугой, скажи,
что ты сделала, что со мной сталось!
Люблю не впервые,
но как трудна любовь в этот раз.

53

Ночь, будь долгой, длинной,
если можешь, стань годом:
Ко мне пришла любимая,
словно в первый раз за тысячу лет.
Утро, ты не спеши,
не мешай нашей игре,
А то придешь, осветишь все своим светом
и разлучишь меня с моей любимой.

54

Как только земля и небо подали знак,
чтобы наступил рассвет,
Моя любимая высвободилась
из моих объятий, собралась уйти.
Я протянул руки,
чтобы удержать ее, запретить,
Но сказала она, словно поклялась:
«Должна уйти, не останусь».

55

За эту безбрежную, как море, ночь
я сплела два круга пряжи.
Вспомнила любимого,
быстро встала, убрала прялку,
Взяла кувшин вина,
пошла к любимому:
— Любимый, открой, пожалуйста, дверь,
выпал снег, ножки мерзнут.

56

— Твоя грудь — белый храм,
твои груди — горящие лампады.
Сделаюсь звонарем,
стану лампадщиком твоего храма.
— Уйди, несмышленый юноша,
ты не можешь быть лампадщиком в моем
храме.
Тебя увлекут игры и ты оставишь
мой храм погруженным во тьму.

57

Душа моя, если бы ты позволила
обнажить твою грудь,
Превратить ее в сад,
если бы позволила войти в этот сад, —
Я бы клятвенно тебе обещал
не выходить за пределы дозволенного.
...И каким злым должен быть ангел смерти,
чтобы прийти и увести меня из твоих объятий!

58

Черные глаза у тебя, черные брови,
черные, вьющиеся волосы,
Покарает тебя бог,
если не придешь этой ночью ко мне.
Если придешь ко мне этой ночью,
прильну щекой к щеке,
Прильну щекой к щеке,
чтобы коснулось твое дыхание моей души.

59

Взгляните на мою любимую,
все, что она надела,— все зеленое.
Надела цветастое платье —
пуговицы и петли зеленые.
Я вошел с нею в сад —
ручеек течет, берега зеленые.
Взгляните на деревья —
деревья цветут, листья зеленые.

60

Художник взял свою кисть,
чтобы нарисовать ее лицо.
Дошел до бровей —
ослаб и упал.
Кто увидал нарисованное художником —
восхитился.
Я полюбил ту, которую создал бог,—
а люди сплетничали.

61

Портрет моей любимой
увезли в Китай как редкостный подарок.
Увезли, показывали всюду
и не нашли подобную ей.
Собрались шесть тысяч пятьсот
живописцев вместе
И ни один из них не смог написать
портрет, подобный ее портрету.

62

С тех пор, как мать меня родила,
я не исповедовался у священника.
Там, где я видел священника,
сворачивал с пути, уходил.
Там, где видел красавицу,
шел ей навстречу, обнимал ее.
Грудь ее была для меня домом молитв,
Я исповедовался ее грудям.

63

Выпить бы вина
цвета твоего румянца — и опьянеть.
Твоя грудь — Адамов рай,
войти бы туда и нарвать яблок.
Лечь бы между твоими грудями
и уснуть.
А после долгом почту отдать душу
ангелу смерти — пусть придет за ней.

64

Полюбить бы твое прекрасное лицо —
оно пленило луну.
Расцеловать бы твои тонкие губы —
сахар горек после твоих губ.
Твои черные глаза и дуги бровей —
как взволнованное море.
Рот твой — как чаша,
полная розовой воды.

65

Спускался я по улице,
вижу дверь открыта.
Вошел, поздоровался —
за столом моя любимая.
Перед моей любимой —
чаша с вином.
— Любимая, выпей сейчас, и я
душой откроюсь перед тобой сейчас.

66

Шел я вниз по улице,
увидел выстиранное белье.
Среди белья
висела выстиранная рубашка.
Грудь рубашки разрисована,
рукава вышиты.
Та, что носит эту рубашку, должна бы быть моей,
имел бы тысячу золотых, купил бы ее.

67

Белогрудая, в широком платье,
    я коснулся твоих грудей,
Твоих незрелых рук, обнял тебя —
    и, пораженный, остановился.
Воздел я руки и взмолился:
    «Боже, пошли мне сейчас смерть,
Сделай так, чтобы я умер, стал жертвой
    на груди этой красавицы».

68

— Ты, словно яхонт,
    изумруд или амбра.
Пролилась на тебя
    розовая вода из тысячи чаш.
— Душа моя, если это ты говоришь мне,
    моя белая грудь — к твоим услугам.
Расстегну пуговицы — войди,
    как входят в сад,— насладись.

69

Ты словно вырезана
    из молодой, белой лозы винограда.
Твое прекрасное лицо —
    из лепестков царственных роз.
Я жажду твоей любви —
    пусть обо мне сплетничают.
Я жажду твоих объятий —
    будь ты тысячу раз неверующей или турчанкой.

70

Маленькие груди-шамамы[1],
    когда овладею вами!
Грудь твоя, словно море,
    а море, говорят, лечит от лихорадки.
Стать бы мне маленьким,
    броситься в твои объятья, как в море,
А выйдя из моря,
    уснуть бы под сенью твоих бровей.

71

Сокол на красной привязи
    днем охотился за дичью.
Сидела куропатка,
    перья — многоцветны, глаза — настороженны.
Куропатка сказала соколу:
    «Не охоться за мною днем,
Я не дневная дичь,
    охоться за мной темной ночью».

72

Такие у тебя глаза, что
    правый сжигает, а левый испепеляет.
У тебя такие брови,
    которые могут разрушить до основания Шираз.
Кто услыхал твой голос
    в городах Алеппо и Дамаске,
Тот не глядит на солнце —
    с тоскою смотрит на тебя.

---

[1] См. примечание к айрену № 26.

73

Глаза твои подобны морю,
Которое раскинулось у врат Мсыра[1],
Волосы подобны волнам,
которые колышет ветер.
Как ива, ты вытянулась,
как красное яблочко, налилась.
Ты прекраснее красной розы,
которая ароматом наполнила мир.

74

Любимый мой, любимый мой,
я расстелю шелковый ковер
На златотканное ложе,
подушка с жареной куропаткой
Будет столом и скатертью,
принесу бутыль вина
И выпью за твою любозь,
надену тонкотканную, шелковую рубашку,
Чтобы видны были мои шелковые груди.

75

Я крепка, как скала,
которую молот не берет.
Высока я, как черная туча,—
никому меня не достичь.
Любви моей удостоится тот,
у кого лук из ели,
Тетива из волчьей кожи,
а сам он — из рода богатырей.

[1] Мсыр — Египет.

76

Я — дикая птица,
удержи, человек, если можешь.
Улечу, смешаюсь с чужой стаей,
придешь, станешь звать меня, если сможешь.
Сделаешь золотую клетку,
в клетку запереть меня не сможешь.
Весь мир призовешь упрашивать меня,
домой меня вернуть не сможешь.

77

В это утро на рассвете
было слышно, как журчит вода.
Но голос моей любимой
был прекрасней всех других голосов.
Те, которые любят тонко, слабо —
спят не вместе.
Они поцелуются один раз
и берегут поцелуй для следующей ночи.

78

Любимая, знаешь ли ты,
что я приходил к тебе ночью!
Пришел, застал тебя спящей,
целовал тебя тысячу раз.
Не знаю, спала ли ты или бодрствовала
и позволила целовать себя!
А может быть, пожалела меня, юношу,
который пришел к тебе ночью.

79

Любимая, вверх ли, вниз ли смотрю —
нет подобной тебе.
Все кругом подобны звездам,
а ты меж ними — светлая луна.
В Новый год поздравляют с праздником,
но всего лишь раз в году.
Сегодняшний день для меня
как тысяча праздников — я увидел тебя.

80

Прекрасная, тебя создал бог.
Благословенна мать, родившая тебя.
Ни луна, ни солнце в час восхода
с тобой не сравнятся.
Ты подобна Сатурну,
он появляется каждое утро,
Уходит в страну греков
и отделяет там тьму от света.

81

— Высоко плывущая луна,
передай моей красавице много приветов.
— Как я передам ей приветы —
я не знаю, где живет красавица!
— Подымись над городом,
увидишь высокую стену, и за стеной дерево.
Она сидит под тенью дерева,
пьет из светло-синей чаши.
Пьет и поет айрен:
«Как прекрасны любовь и вино...»

82

Мой высоко плывущий месяц,
куда ты плывешь в эту бескрайнюю ночь!
Ты заглядываешь во многие окна,
видишь многих спящих красавиц.
У моей любимой пуговицы на рубашке
не застегнуты, свет падает меж ее грудей,
Отражается затем в небесах —
и звезды меркнут.

83

Я молод и ты молода —
настала пора любви.
Твой стан, как лук,
сколько ни тяну — сгибается.
Твоя грудь, как сад,
груди — кисти винограда.
Твоя грудь, как утро,—
чем больше ее обнажаю, тем больше светает.

84

Стать бы мне тонкотканной рубашкой —
пуговицы шелковые, шитье золотом —
И обвивать бы твой стан,
обнимать твою шею.
Стать бы мне водой в твоей чаше
или гранатовым вином.
Ты бы взяла дорогую чашу, поднесла ко рту,
я бы пролился, расцеловал тебя.

85

В зарослях тростника
колышется тростиночка — это ты.
Стан твой тонок и длинен
и стройна ты, как кипарис.
Говорят, из твоей груди
бьет источник бессмертия.
Я завидую тому, кто
припадает к твоей груди и пьет.

86

Юная красавица,
ты пришла к нашему роднику за водой,
С твоей груди скатилась луна
и упала в воду родника.
Я завидую тому,
кто ночью спал с тобой,
Обнимал твой гибкий стан
и целовал круг твоих губ.

87

Шла моя любимая, я увидел ее,
окликнул и спросил:
«Сколько стоит поцелуй!»
Повернулась и ответила:
«Если бы поцелуй стоил денег,
провалился бы мир — я б не целовалась.
Если ты меня любишь —
приди поцелуй, утоли желание».

88

— Я дам тебе гранат, разрежь его,
подсчитай, сколько внутри зернышек.
За каждое зерно — по поцелую,
большего я не прошу.
— Уйди, глупый парень.
Я считала тебя умным,
За каждое зернышко — один поцелуй,
было ли когда такое и может ли быть!

89

Пришли и весть принесли:
«Твоя любимая вышла и идет сюда».
Давайте пойдем ей навстречу,
чтобы она не огорчилась.
Поцелуем ее румяное лицо —
оно дороже целого мира,
Оботрем пыль с ее ног, приложим к глазам,
как чудотворный порошок.

90

Ошибся я, ошибся
и у той дурнушки попросил поцелуй.
Дурнушка стала ломаться:
«Нельзя! Лишусь доброго имени».
А красавица крикнула мне из окна:
«Что ты упрашиваешь ее, безобразную,
Проси поцелуй у красавицы —
она знает, чего стоит добрый юноша».

91

Пришли и весть принесли:
    «Твой любимый стал монахом».
Дрожь охватила меня, я поразилась —
    как он стал монахом!
Уста его привыкли к сахару —
    как же он ест горох!
Он привык к тонким рубашкам —
    как же он носит власяницу!

92

Круглая луна сказала мне:
    — Я похожа на твоего странника.
— Стыдись, луна,
    чем ты похожа на моего странника!
У моего странника были черные глаза,
    черные брови и красивый рот,
Губы, у него были прекрасные губы,
    а усы над ними — золотые нити.

93

Я был персиковым саженцем,
    рос среди камней, на скалах.
Пришли, вырвали и унесли.
    Посадили в чужом саду,
Сахар разбавляют водой —
    поливают меня той водой.
Придите, унесите меня назад,
    напоите снеговой водой.

94

Знаю, тебе известно много айренов,
    выбери один и спой его.
Спой о наших днях, о людях,
    которые живут сейчас.
Сложи свою речь стихами,
    не злословь о людях,
Ты же знаешь, я странник,
    не огорчай странника.

95

Мать проклинала сына:
    — Мой сын, стать бы тебе странником,
Уйти в чужую страну,
    и узнать, каково быть странником.
Камни будут тебе подушкой,
    будешь спать на песке,
Вставать будешь рано, затемно —
    и бог будет твоей единственной надеждой.

96

Кто обидит странника-чужеземца,
    тот сам пусть станет странником.
Пусть пойдет в чужую страну
    и узнает, каково быть странником.
Если в чужой стране золото посыпется
    на странника так, как льет дождь,
То золото ему все равно, что зола —
    он живет в разлуке с любимой.

97

Мир я взял в ладони,
заглянул в него, как в зеркало,
И отвел взгляд — не нашел человека,
которого бы полюбил всем сердцем.
С людьми моего времени
нельзя есть хлеб-соль,
Так они клевещут на человека,
что ложь становится правдой.

98

Моя душа покинула мое тело,
я сел и заплакал:
«Душа, куда ты уходишь?
Я жив тобою!»
А моя душа ответила:
«Я тебя считала мудрым.
Когда разваливается дом,
что в нем делать хозяину!»

99

Когда человек много думает,
заботы мира его подтачивают,
Сахар кажется ему горьким,
горечь кажется напитком,
Холодная вода кажется огнем,
страшась огня, он, как свеча, тает.
Спокойная жизнь кажется трудной —
и нет ему покоя.

100

Господи, в каждый час и в каждую минуту
спаси меня от людского зла.
Людское зло — это так страшно,
что и зверь от него бежит.
Лев, царь зверей,
закован в цепи,
Орел, страшась человека,
парит в поднебесье.

101

Спросили у мудреца,
знает ли кто, почему
Бог создал душу
и связал ее с земным телом!
— Думаю, он это сделал для того,
чтобы душа могла возвысить тело,
А, может, для того он вложил душу в тело,
чтобы она, как чистое золото, украшала его.

Սկզբնատողերից հետո բերվում է այն համարը, որ ունի հայրենը սույն գրքում։

СОДЕРЖАНИЕ

НААПЕТ КУЧАК

Сто и один айрен

Худ. редактор и техн. редактор
Э. О. Чанчапанян

Контрольные корректоры:
Р. Т. Мальцева, А. Х. Хачатрян

Книга напечатана мастером
М. М. Андреасяном

под руководством мастера
Ж. Г. Баляна

Сдано в производство 28/X 1975 г.
Подписано к печати 31/XI 1975 г.
Бумага офсетная 70×108 1/32.
Печ. 8,5 л. = 11,9 усл. печ. л. Уч.-изд. 19,1 л.
Заказ 2336. Тираж 40000. Цена 1 р. 61 к.

*

Издательство «Советакан грох»,
375009, Ереван-9 ул. Теряна, 91.

*

Полиграфкомбинат им. Акопа Мегапарта
Госкомитета Совета Министров
Армянской ССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли,
Ереван, ул. Теряна, 91.

